

Золото хищников

Автор:

Филип Рив

Золото хищников

Филип Рив

Хроники хищных городов #2

В новой редакции – второй роман эпопеи «Хроники хищных городов». Итак, со времени действия «Смертных машин» прошло два года. Том Нэтсуорти, бывший ученик лондонской Гильдии историков, и Эстер Шоу уже два года странствуют по миру, от одного движущегося города к другому, на воздушном корабле «Дженни Ганивер», ранее принадлежавшем знаменитой искательнице приключений Анне Фанг, агенту Лиги противников движения. Однажды Тому и Эстер встречается Нимрод Пеннироял – знаменитый «путешественник, исследователь и специалист по альтернативной истории». В своей книге «Прекрасная Америка: Правда о Мертвом континенте» он утверждал, будто в глубине обезлюдивший материк расцвел новой жизнью. И маркграфиня Фрейя, правительница города-призрака Анкоридж, верит каждому слову этой книги...

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Смертных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером картины и автором сценария выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

Филип Рив

Золото хищников

Philip Reeve

Predator's gold

Copyright © Philip Reeve, 2003

© М. Лахути, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Саре и Сэму

Часть первая

Глава 1

Ледяной север

Фрейя проснулась еще до рассвета и лежала в темноте, чувствуя, как содрогается и покачивается на ходу ее город, который толкают по льду мощные моторы. Полусонная, она ждала, что сейчас явятся служанки и помогут ей встать. Прошло несколько минут, пока Фрейя вспомнила, что все ее служанки мертвы.

Она сбросила одеяла, зажгла аргонные лампы и побрела в ванную, отпихнув ногой пыльную кучу одежды. Вот уже несколько недель она собиралась с мужеством, чтобы принять душ, но в это утро запутанная система управления в ванной опять оказалась сильнее: Фрейя так и не смогла пустить горячую воду. В итоге она поступила как обычно – налила воды в таз и сполоснула лицо и руки. Оставался еще маленький обмылок, Фрейя намылила волосы и окунула голову в воду. Купальные прислужницы не пожалели бы для молодой госпожи шампуней, лосьонов, кремов, мазей и всевозможных бальзамов, но прислужницы умерли, а сама Фрейя не решалась подступиться к рядам баночек и бутылочек на полках в тесной ванной комнате. Когда выбор слишком велик, лучше уж ничего не брать.

По крайней мере, она кое-как приспособилась одеваться без помощи прислуги. Фрейя подобрала с пола мятое платье, разложила на постели и заползла в него, мало-помалу продвигаясь снизу вверх, пока не удалось просунуть голову и руки в предназначенные для них отверстия. Длинный камзол, отороченный мехом, надеть было гораздо легче, только с пуговицами пришлось повозиться. Прислужницы так быстро и ловко застегивали ей пуговицы, смеясь и болтая, обсуждая предстоящий день, и никогда-никогда не попадали не в ту петлю, но все они умерли.

Минут пятнадцать Фрейя с проклятиями, рывками и на ощупь застегивала пуговицы, потом обзрела результат своих усилий в затянута паутиной зеркале. В целом неплохо, решила она. Наверное, драгоценные камни могли бы немного скрасить общее впечатление, но, зайдя в комнату, где хранились ювелирные украшения, Фрейя обнаружила, что самые лучшие из них пропали. В последнее время у нее все время пропадали вещи. Фрейя не могла себе представить, куда они деваются. Да и незачем надевать диадему поверх липких волос с остатками мыла или цеплять на невытую шею ожерелье из золота и янтаря. Мама, конечно, не одобрила бы, что она появляется на людях без драгоценностей, но мама тоже умерла.

В пустых и тихих коридорах дворца целыми сугробами лежала пыль. Фрейя позвонила, вызывая лакея, и в ожидании его прихода стала смотреть в окно. За окном в тусклых арктических сумерках мерцали инеем крыши ее города. Пол подрагивал в такт движению поршней и шестеренок далеко внизу, в машинном отделении, но движения почти не ощущалось, ведь здесь был Высокий лед, самый северный север, и вокруг не было видно никаких ориентиров – только белая равнина, чуть отсвечивающая отраженным светом.

Явился лакей, на ходу поправляя пудренный парик.

- Доброе утро, Смьер, - сказала Фрейя.

- Доброе утро, ваше сиятельство.

На мгновение ей неудержимо захотелось пригласить Смьер в свои комнаты, попросить его сделать что-нибудь с пылью, с разбросанной одеждой, с исчезающими драгоценностями; попросить, чтобы он показал ей, как работает душ. Но он был мужчиной. Позволить мужчине войти в личные апартаменты маркиграфини - неслыханное нарушение традиций! Вместо этого Фрейя произнесла те же слова, что говорила каждое утро:

- Можешь сопроводить меня в утреннюю трапезную, Смьер.

Спускаясь вместе с ним в лифте на нижний этаж, она рисовала себе в воображении, как ее город поспешает вперед по ледяной пустыне, словно маленький тараканчик пересекает ползком громадную белую тарелку. Но куда он направляется - вот вопрос. Смьер очень бы хотел это знать - по лицу видно, по тому, как он косится на нее украдкой. И Направляющий комитет тоже хотел бы это узнать. Шарахаться то туда, то сюда, удирая от голодных хищников, - это, конечно, дело, но пришла пора определить будущее своего города. Тысячи лет жители Анкориджа доверяли подобные решения дому Расмуссен. Все-таки женщины рода Расмуссен не такие, как все прочие. Разве не они правили Анкориджем со времен Шестидесятиминутной войны? Разве ледяные боги не говорили с ними в сновидениях, указывая, куда направить город; где можно найти хороших торговых партнеров; как уберечься от ледовых ловушек и от хищников?

Но Фрейя была последней в своем роду, и ледяные боги ничего ей не подсказывали. С ней теперь почти никто не говорил, а если кто и заговаривал, так только для того, чтобы очень вежливо осведомиться, когда она выберет дальнейший курс города. Ей хотелось крикнуть им в лицо: «Почему вы спрашиваете меня? Я ведь просто девочка! Я не хотела быть маркиграфиней!»

Но им больше не у кого было спрашивать.

По крайней мере, сегодня утром у Фрейи будет готов ответ. Вот только вряд ли он им понравится.

Она позавтракала в одиночестве, сидя в черном кресле с высокой спинкой за длинным черным столом. Звяканье ножа о тарелку, ложечки – о чайную чашку казалось невыносимо громким в тишине. В полумраке со стен смотрели портреты ее божественных предков. Вид у них был слегка нетерпеливый, как будто они тоже ждали, когда она наконец выберет курс.

– Не беспокойтесь, – сказала она портретам. – Я приняла решение.

Когда завтрак был закончен, вошел камергер.

– Доброе утро, Сью.

– Доброе утро, свет ледяных полей. Направляющий комитет ожидает, когда вашему сиятельству будет угодно их принять.

Фрейя кивнула, и камергер распахнул двери утренней трапезной перед членами Направляющего комитета. Когда-то их было двадцать три человека. Теперь остались только мистер Скабиоз и мисс Пай.

Виндолен Пай была высокая, некрасивая дама средних лет. Ее светлые волосы были собраны в приплюснутый узел на макушке, отчего казалось, будто она носит на голове булку-слоечку. Она была раньше секретарем покойного Главного навигатора и неплохо разбиралась в картах и таблицах, но страшно нервничала в присутствии маркграфини и постоянно приседала в реверансе, стоило Фрейе хотя бы шмыгнуть носом.

Ее коллега, Сёрен Скабиоз, был совсем другого склада. В его роду все были мастерами-механиками почти с тех самых пор, как город встал на полозья. По положению он был почти равен Фрейе. Если бы все шло как полагается, следующим летом ей предстояло выйти замуж за его сына Акселя; маркграфини часто брали в супруги мужчин из машинного отделения, чтобы сделать приятное Инженерному сословию. Но все пошло не так, как полагается. Аксель умер. Фрейя втайне радовалась, что Скабиоз не станет ее тестем: он был такой суровый, молчаливый и мрачный старик. Его черные траурные одежды сливались с полутьмой утренней трапезной, словно камуфляж, и белая маска

лица, казалось, висела в воздухе, лишенная тела.

– Добрый день, ваше сиятельство, – сдержанно поклонился он, а мисс Пай покраснела, встrepенулась и сделала реверанс.

– Где мы находимся? – спросила Фрейя.

– О, ваше сиятельство, в настоящий момент мы находимся на расстоянии около пятисот километров к северу от гор Тангейзера, – залепетала мисс Пай. – Под нами прочный морской лед, ни одного города в пределах видимости.

– Машинное отделение ожидает ваших распоряжений, свет ледяных полей, – промолвил Скабиоз. – Желаете ли вы повернуть обратно, на восток?

– Нет!

Фрейя вздрогнула, вспомнив, как их несколько раз чуть было не съели. Если они снова вернутся на восток или двинутся на юг, чтобы вести торговлю на окраинах Ледяных Пустошей, охотники Архангельска наверняка об этом прознают и вряд ли Анкоридж сумеет спастись бегством от огромного хищника. В городе едва хватает людей, чтобы обслуживать двигатели.

– Может быть, нам следует направиться на запад, ваше сиятельство? – робко предложила мисс Пай. – Некоторые мелкие города зимуют у восточной оконечности Гренландии. Мы могли бы вести с ними торговлю.

– Нет, – твердо ответила Фрейя.

– В таком случае, возможно, вы планируете избрать какое-либо другое направление, ваше сиятельство? – предположил Скабиоз. – Боги льда говорили с вами?

Фрейя торжественно кивнула. На самом деле она уже больше месяца обдумывала свою идею, и вряд ли та исходила от богов; но она просто не могла придумать ничего другого, чтобы защитить свой город от хищников, от чумы и от дирижаблей-шпионов.

– Курс на Мертвый континент, – объявила она. – Мы возвращаемся домой.

Глава 2

Эстер и Том

Эстер Шоу понемногу привыкала быть счастливой. После долгих голодных лет скитаний по грязным канавам и городам-кладоискателям Больших Охотничьих Угодий она наконец-то нашла свое место в этом мире. У нее есть собственный воздушный корабль, «Дженни Ганивер» (стоит чуть вытянуть шею, и она увидит округлую макушку красного баллона позади вон того грузового судна с Занзибара, перевозящего пряности, что пришвартовалось у семнадцатой стойки), и еще у нее есть Том – добрый, красивый, умный Том, которого она любит всем сердцем и который, кажется, тоже любит ее, несмотря ни на что.

Поначалу она была уверена, что долго это не продлится. Они такие разные, да к тому же Эстер никто не назвал бы красавицей: высокая, угловатая, точно пугало огородное, медно-рыжие волосы заплетены в чересчур тугие косички, лицо рассекает пополам старый шрам от удара шпагой, лишившего ее одного глаза и большей части носа и заставившего рот изогнуться в вечной кривоzubой усмешке. «Все это ненадолго», – говорила она себе (снова и снова, пока они дожидались на Черном острове, когда закончат ремонт бедняжки «Дженни Ганивер»). «Он не бросает меня из жалости», – решила она, когда они вместе долетели до Африки, а потом отправились через океан в Южную Америку. «Что он только во мне нашел?» – удивлялась она, когда они разбогатели, переправляя продукты и другие припасы в нефтедобывающие города Антарктики, а потом вдруг снова обеднели, когда пришлось выбросить весь груз за борт, спасаясь от воздушных пиратов над Огненной Землей. На обратном пути через голубую Атлантику с караваном торговых судов она шептала про себя: «Это не может продлиться долго».

И тем не менее это длилось. Длилось вот уже больше двух лет. И сейчас, греясь на сентябрьском солнышке на балконе «Зоны деформации», одного из многочисленных кафе на Главной улице Воздушной Гавани, Эстер невольно начинала верить: может быть, это навсегда. Она сжала руку Тома под столом и улыбнулась своей скособоченной улыбкой, а он посмотрел на нее с такой же

любовью, как тогда, когда она в первый раз его поцеловала, освещенная сполохами МЕДУЗЫ, в ту ночь, когда погиб его родной город.

Этой осенью город Воздушная Гавань направился к северу и теперь завис в нескольких десятках метров над Ледяными Пустошами, в то время как мелкие города-кладоискатели, которые провели на льду короткие месяцы полярного лета, собрались внизу, чтобы распродать свои находки. Один за другим воздушные шары поднимались к причальным стойкам летающего города-порта, из них высыпали живописные торговцы артефактами олд-тека – высоких технологий Древних – и принимались на все лады расхваливать свой товар, едва успев ступить на палубу из листовой стали. Ледяной север – отличная охотничья территория для тех, кто собирает образцы забытых технологий, и сейчас эти господа предлагали на продажу детали Сталкеров, аккумуляторы от магнитных ружей и всякую всячину, которой вовсе нет названия, – разрозненные обломки полдюжины погибших цивилизаций, даже несколько фрагментов древнего летательного аппарата, который пролежал во льду, никем не потревоженный, с самой Шестидесятиминутной войны.

Внизу, куда ни глянь, – на юг, на восток и на запад – простирались Мерзлые земли, теряясь в дымке на горизонте; холодная, каменистая местность, где восемь месяцев в году правят боги льда и где уже местами белел снег на дне перекрещивающихся траншей, оставленных движущимися городами. На севере высились черной базальтовой стеной горы Тангейзера – цепь вулканов, обозначающая северную границу Охотничьих Угодий. Некоторые вулканы были действующие, над ними покачивались столбы серого дыма, словно колонны, поддерживающие небо. Между этими столбами Эстер и Том с трудом различали сквозь пелену вулканического пепла белые просторы Ледяных Пустошей, где двигалось что-то огромное, грязное и неумолимое, словно сошедшая с места гора.

Эстер вытащила из кармана пальто подзорную трубу, приложила к глазу, покрутила колесико, наводя резкость, пока размытая картина вдруг не стала четкой. Она смотрела на город: восемь ярусов фабрик, и рабских бараков, и труб, плюющихся сажей, с вереницей воздушных кораблей-паразитов, идущих следом и извлекающих ценные минералы из выхлопных газов движущегося мегаполиса; далеко внизу, похожие на призраки за туманной завесой из снега и каменной пыли, вращались огромные колеса.

– Архангельск!

Том взял у нее из рук подозрную трубу:

– Ты права. Летом он держится поближе к северным отрогам Тангейзеров, пожирая города-кладоискатели, которые он подстерегает у перевалов. Полярная шапка сейчас гораздо толще, чем была в древности, но в некоторых местах лед все-таки слишком тонок, чтобы выдержать вес Архангельска до наступления зимы.

Эстер засмеялась:

– Всезнайка!

– Я же не нарочно, – сказал Том. – Ты помнишь, я раньше был учеником-историком? Нас заставляли вы зубрить наизусть список Великих движущихся городов мира, и Архангельск там стоял одним из первых. Вряд ли я мог его забыть.

– Выпендриваешься, – проворчала Эстер. – Вот был бы это Зимбра или Занне-Сандански, посмотрела бы я на тебя тогда!

Том снова стал глядеть в подозрную трубу.

– Со дня на день он поднимет гусеницы, выдвинет железные полозья и покатит гоняться за ледовыми городами и городами-снегоходами...

Но пока Архангельск, видимо, был согласен ограничиться торговлей. Он был слишком огромен, чтобы протолкнуться через узкие перевалы гор Тангейзера, но с его причалов то и дело взлетали дирижабли, направляясь на юг, к Воздушной Гавани. Первый из них уже промчался с высокомерным изяществом через пеструю толпу воздушных шаров над парящим в вышине городом и пришвартовался у шестой стойки, как раз под балконом, где устроились Эстер и Том. Отчетливо ощущалась слабая вибрация палубы, когда защелкнулись его магнитные швартовочные зажимы. Это был поджарый штурмовик ближнего действия. На угольно-черной оболочке баллона красовалось изображение красного волка, а ниже готическим шрифтом название корабля:

«Турбулентность ясного неба»[1 - Не только разновидность турбулентности, наблюдающаяся в отсутствие облачности, но также название альбома Ian Gillan

Band («Clean Air Turbulence», 1977).].

Из бронированной гондолы показались несколько мужчин, враскачку двинулись по набережной, поднялись, громко топая, по лестнице, ведущей на Главную улицу. Рослые, дюжие мужики в меховых плащах и меховых шапках, из-под курток холодно поблескивали кольчуги. У одного на голове был стальной шлем с двумя рогами-раструбами, как у граммофона. От шлема шел провод к медному микрофону, зажатому в кулаке другого мужчины; его голос, усиленный громкоговорителями, гулко разнесся над Гаванью:

– Приветствую вас, воздухоплаватели! Вас приветствует Великий Архангельск, Молот Высокого Льда, Бич Севера, Пожиратель неподвижного поселения на Шпицбергене! У нас есть золото, и мы готовы обменять его на любую информацию о местонахождении ледовых городов! Тридцать соверенов за сведения, которые помогут поймать добычу!

Он принялся протискиваться между столиками «Зоны деформации», продолжая возглашать свое обещание о награде. Пилоты качали головами, морщились и отворачивались. В связи с повсеместной нехваткой добычи кое-кто из крупных городов-хищников начал предлагать деньги за ее находку, но немногие делали это так открыто. Честные воздушные торговцы уже опасались, что скоро их перестанут пускать в малые ледовые города. Какой мэр захочет рисковать, разрешая посадку тем, кто может на другой день продать сведения о движении города какому-нибудь прожорливому градоядному вроде того же Архангельска? Но с другой стороны, всегда найдутся люди иного сорта, контрабандисты, полупираты или просто торговцы, чьи корабли не приносят того дохода, на который они рассчитывали, – такие охотно примут золото хищников.

– Приходите ко мне в «Шар и гондолу», если нынешним летом вам случалось торговать на борту Кивиту, или Брейдхэвика, или Анкориджа и вы знаете, где они намерены провести зиму! – зазывал вновь прибывший. Это был молодой человек, он выглядел тупым, богатым и откормленным. – Тридцать монет золотом, друзья мои! Хватит, чтобы на всю зиму обеспечить ваши корабли топливом и подъемным газом...

Эстер услышала, как незнакомая девушка-пилот народности динка[2 - Динка – народ, населяющий Южный Судан (исторический регион Бахр-эль Газаль в бассейне Нила, Кордофан и Верхний Нил). Численность в конце XX века составляла 3 млн человек.] за соседним столиком объясняет своим друзьям:

– Это Петр Масгард, младший сын директора Архангельска. Он называет свою шайку «охотниками». Они не просто зазывалы для доносчиков; я слышала, они высаживаются на мирных маленьких городах, слишком быстроходных для Архангельска, и заставляют их остановиться или повернуть назад, прямо Архангельску в челюсти!

– Но ведь это же нечестно! – воскликнул Том, который тоже прислушивался к разговору.

К несчастью, как раз в эту минуту Масгард сделал паузу, и слова Тома громко прозвучали в тишине. Охотник круто обернулся. Его крупное, ленивое, красивое лицо ухмыльнулось Тому с высоты огромного роста.

– Нечестно, говоришь, пилот? А что тут нечестного? Сам знаешь, в нашем мире город городу волк.

Эстер мгновенно напряглась. Чего она никак не могла понять, это почему Том вечно ожидает от жизни справедливости. Наверное, это издержки воспитания. Несколько лет самостоятельной жизни в городе кладоискателей живо вышибли бы из него дурь, но Том вырос в атмосфере обычаев и правил Гильдии историков, вдали от реальной жизни; и вопреки всему, что он пережил с тех пор, его все еще шокировали такие люди, как Масгард.

– Я просто хочу сказать, что это против всех правил муниципального дарвинизма, – объяснил Том, глядя на рослого авиатора снизу вверх.

Он встал из-за стола, но все равно не мог с ним сравняться – охотник был выше Тома почти на тридцать сантиметров.

– Быстрые города поедает медленные, сильные – слабых. Вот как это должно происходить, точно так же, как и в природе. Угон городов и награда за информацию нарушают равновесие, – продолжал он, словно Масгард был всего-навсего его оппонентом на заседании дискуссионного клуба учеников-историков.

Ухмылка Масгарда стала шире. Он распахнул свой меховой плащ и выхватил меч. Послышались крики, возгласы и стук опрокидывающихся стульев –

окружающие бросились врассыпную, стремясь убраться подальше. Эстер потащила Тома прочь, не отрывая взгляда от сверкающего клинка.

– Том, балда, не связывайся с ними!

Масгард уставился на нее, потом с хохотом вбросил свой меч обратно в ножны.

– Посмотрите-ка! У этого пилота имеется красивая подружка, уж она уберезет его от беды!

Вся команда дружно загоготала. Эстер пошла пятнами и подтянула свой потрепанный красный шарф, закрывая лицо.

– Заходи ко мне как-нибудь на досуге, деточка! – крикнул Масгард. – Для такой красотки я всегда дома! Не забудь, если сможешь сообщить мне направление движения какого-нибудь города, я дам тебе тридцать золотых! Купишь себе новый нос!

– Я не забуду, – пообещала Эстер, оттесняя Тома в сторонку.

Ярость билась в ней, словно пойманная в силки ворона. Ей хотелось повернуться и напасть на Масгарда. Спорим, он толком не умеет орудовать мечом, которым так гордится... Но в последнее время Эстер старалась подавлять эту темную, мстительную, смертоносную сторону своей натуры, поэтому она только вытаскивала потихоньку нож и, проходя мимо, незаметно перерезала шнур Масгардова микрофона. Когда он попытается еще раз повторить свое объявление, потешаться станут уже над ним.

– Извини, – сказал Том смущенно, когда они сбежали по лестнице вниз, к причалу, где уже толпились торговцы и туристы, прибывшие из Архангельска. – Я не хотел... Я только подумал...

– Все нормально, – ответила Эстер.

Ей хотелось сказать ему, что, если бы он не делал время от времени таких вот бесстрашных глупостей, он не был бы Томом и она, наверное, не любила бы его так сильно. Но она не умела выразить все это словами, поэтому просто толкнула

его в укромный уголок за опорой верхнего яруса и, быстро оглянувшись – не смотрит ли кто, – обхватила его худыми руками за шею, стащила с лица свой шарф и поцеловала.

– Давай улетим отсюда.

– Но у нас до сих пор еще нет груза. Мы же собирались поискать торговца мехами или... – Том не договорил.

– Здесь не торгуют мехами, только олд-теком, а это барахло мы вроде не хотели больше возить, правда?

Том смотрел на нее нерешительно, и она снова его поцеловала, не дав сказать хоть слово.

– Мне надоело в Воздушной Гавани. Хочу вернуться на птичьи дороги.

– Ладно, – сказал Том. Он улыбнулся, погладил ее губы, щеку, щербинку в том месте, где шрам пересекал бровь. – Ладно. Посмотрели северные небеса – и хватит. Отчаливаем.

Но сделать это оказалось не так просто. Когда они добрались до семнадцатой стойки, то увидели, что возле «Дженни Ганивер» сидит на большом кожаном тюке какой-то человек. Эстер, которая еще не пришла в себя после насмешек Масгарда, снова прикрыла лицо. Том выпустил ее руку и первым подошел к незнакомцу.

– Добрый день! – воскликнул тот, вскакивая на ноги. – Мистер Нэтсуорти? Мисс Шоу? Как я понял, вы владельцы этого замечательного кораблика? Ну и дела! Мне говорили в портовом управлении, что вы молоды, но я и не представлял себе насколько! Да вы же практически дети!

– Мне почти восемнадцать, – возразил Том.

– Да что вы! – засиял улыбкой незнакомец. – Для великих сердец возраст не имеет значения, а у вас, я уверен, великое сердце. «Кто этот симпатичный паренек?» – спросил я своего друга, начальника порта, и он мне ответил: «Это

Том Нэтсуорти, пилот „Дженни Ганивер“». «Пеннироял, – сказал я себе, – возможно, этот молодой человек – именно тот, кого ты ищешь!» И вот я здесь!

И вот он здесь – низенький, лысеющий, чуточку полноватый, с аккуратно подстриженной белоснежной бородкой. Одет он был в типичный костюм кладоискателя-северянина: длинная шуба, меховая шапка, туника со множеством карманов, толстые штаны и сапоги на меху, – но вся одежда выглядела слишком дорогой, словно ее сшил какой-нибудь модный портной для пьесы, действие которой происходит в Ледяных Пустошах.

– Итак? – сказал он.

– Что «итак»? – спросила Эстер. Незнакомый любитель порисоваться ей сразу не понравился.

– Извините, сэр, – значительно вежливее произнес Том. – Мы не очень понимаем, что именно вам требуется...

– Ах, прошу прощения, простите великодушно! – забормотал незнакомец. – Позвольте, я объясню! Меня зовут Пеннироял, Нимрод Борегар Пеннироял. Я проводил кое-какие исследования среди вон тех жутких огнедышащих горных громадин, а теперь возвращаюсь домой. Я хотел бы стать пассажиром на вашем очаровательном воздушном корабле.

Глава 3

Пассажир

Пеннироял... Имя казалось Тому смутно знакомым, хоть он и не мог сообразить, откуда его знает. Оно совершенно точно упоминалось в одной из лекций, когда Том еще был учеником-историком, но что такое совершил Пеннироял, чтобы заслужить упоминания, вспомнить не удавалось. Том слишком часто отвлекался, витая в мечтах, и мало прислушивался к речам учителей.

– Мы не берем пассажиров, – твердо сказала Эстер. – Мы направляемся на юг и путешествуем в одиночку.

– На юг – вот и славно! – заулыбался Пеннироял. – Мой родной город – плавучий курорт Брайтон, этой осенью он курсирует вдоль берегов Срединного моря. Я спешу поскорее вернуться домой, мисс Шоу. Мои издатели, Фьюмет и Спрейнт, непременно желают получить от меня новую книгу к Лунному празднику, и мне необходимы покой и уединение моего привычного кабинета, чтобы разобрать свои путевые заметки.

Он говорил, то и дело оглядываясь через плечо, окидывая быстрым взглядом лица прохожих, и при этом заметно потел. Эстер подумала, что он не столько стремится домой, сколько удирает от кого-то. Но Тома его слова заинтересовали.

– Вы писатель, мистер Пеннироял?

– Профессор Пеннироял, – с улыбкой поправил тот. – Я путешественник, исследователь и специалист по альтернативной истории. Возможно, вам попадались мои произведения – скажем, «Города, затерянные в песках» или «Прекрасная Америка[3 - «America the Beautiful» (англ.) – одна из самых популярных в Америке патриотических песен. К музыке церковного гимна, в 1880-х годах сочиненной композитором-любителем Сэмюэлем Уордом (1847–1903), в начале XX века добавили светские стихи Кэтрин Ли Бейтс (1859–1929).]: правда о Мертвом континенте»...

Том наконец вспомнил, где слышал это имя. Чадли Помрой упомянул профессора Пеннирояла, когда читал лекцию «Новейшие направления в исторической науке». Пеннироял, сказал старик, совершенно не уважает истинно научный подход к истории. Все его рискованные экспедиции – чистой воды показуха, а книги его полны безумных теорий и сенсационных приключенческих сюжетов. Том очень даже любил безумные теории и сенсационные приключенческие сюжеты. После лекции он стал искать в библиотеке Музея труды профессора Пеннирояла, но консервативная Гильдия историков не нашла для них места на своих книжных полках. Так Том и не узнал, где именно путешествовал Пеннироял.

– На самом деле у нас есть место для пассажира, Эт. И деньги нам пригодились бы...

Эстер нахмурилась.

– О, деньги – не проблема! – заверил Пеннироял, вытаскивая из кармана пухлый кошелек и встряхивая его. – Скажем, пять соверенов прямо сейчас и еще пять, когда пришвартуемся в Брайтоне. Конечно, Петр Масгард предложит вам больше за выдачу какого-нибудь злополучного города, но и это весьма неплохая сумма, да к тому же вы окажете великую услугу мировой литературе.

Эстер пристально разглядывала бухту каната на краю набережной. Она понимала, что проиграла в споре. Этот чересчур приветливый незнакомец знал, как подъехать к Тому, и сама Эстер не могла не признать, что десять соверенов будут им очень даже кстати. Она сделала еще одну попытку оттянуть неизбежное: пнула ногой рюкзак Пеннирояла со словами:

– Что у вас в багаже? Мы не возим олд-тек. Насмотрелись, что от него бывает.

– О небо! – воскликнул Пеннироял. – Всецело с вами согласен! Пусть я альтернативщик, но ведь не полный идиот. Я тоже видел, что бывает с людьми, которые всю жизнь выкапывают из земли древние машины. Рано или поздно они отравляются радиацией или взрываются, наткнувшись на какую-нибудь неисправную штуквину. Нет, у меня при себе лишь смена нижнего белья да несколько тысяч страниц путевых заметок и зарисовок для будущей книги – «Огненные горы: явление природы или ошибка древних?».

Эстер снова пнула рюкзак. Он медленно завалился набок, но никаких металлических звуков, опровергающих слова Пеннирояла, слышно не было. Она посмотрела себе под ноги, потом еще ниже, сквозь дырчатую палубу Воздушной Гавани, на землю, где какой-то городок неторопливо тащился на запад, волоча за собой длинную тень. «Ну ладно», – подумала Эстер. Теплое, синее Срединное море – совсем не то, что безрадостные Ледяные Пустоши, а лететь туда всего-навсего неделю. Наверное, можно делить Тома с Пеннироялом в течение недели? Уж как-нибудь она перетерпит? Ведь он будет принадлежать ей всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо. – Она схватила кошелек и отсчитала пять золотых соверенов, пока путешественник не передумал.

Том, стоя рядом с ней, говорил:

– Профессор, мы устроим для вас постель в носовом трюме. А работать над рукописью вы сможете в лазарете, если захотите. Я планировал переночевать здесь и отчалить на рассвете.

– Если не возражаешь, Том, – сказал Пеннироял и снова тревожно оглянулся через плечо, – я предпочел бы отправиться немедленно. Не годится заставлять музу ждать...

Эстер пожала плечами и вытряхнула из кошелька еще несколько монет.

– Отчаливаем, как только начальник порта даст разрешение, – сказала она. – Надбавка за срочность – два соверена.

* * *

Зашло солнце – пылающим углем погрузилось в дымку над западными отрогами Тангейзерова хребта. По-прежнему над скоплением торговых городов поднимались воздушные шары, а с севера, со стороны Архангельска, перевалив через базальтовые предгорья, прилетали дирижабли. Один из них принадлежал добродушному старому джентльмену по имени Уиджери Блинко, антиквару, торговцу предметами олд-тека – высоких технологий древности. Чтобы свести концы с концами, симпатичный старичок еще сдавал комнаты на втором этаже над своей лавкой в портовом районе Архангельска, а при случае продавал информацию любому, кто готов был за нее заплатить.

Оставив своих жен швартовать воздушный корабль, мистер Блинко засеменил напрямик в контору начальника порта с вопросом:

– Вы видели этого человека?

Начальник порта взглянул на фотографию, которую положил ему на стол мистер Блинко, и сказал:

– Да это же профессор Пеннироял, джентльмен-историк!

– Джентльмен? Черта с два! – сердито закричал Блинко. – Прожил в моем доме полтора месяца, а как только на горизонте показалась Воздушная Гавань, сбежал и не заплатил мне ни пенни! Где он? Где можно найти этого мерзавца?

– Опоздал, приятель, – усмехнулся начальник порта, не без удовольствия сообщая дурные новости. – Он прилетел с одним из первых шаров из Архангельска и стал спрашивать насчет кораблей, идущих на юг. Я его направил к тем ребятам, что летают на «Дженни Ганивер». Она только что отчалила, десяти минут не будет, курсом на Срединное море.

Блинко застонал и устало провел рукой по широкому бледному лицу. Он никак не мог себе позволить лишиться двадцати соверенов, обещанных Пеннироялом. Ну почему, почему он не заставил мошенника заплатить вперед? Ему так польстило, что Пеннироял подарил ему экземпляр «Прекрасной Америки» («Моему дорогому другу Уиджери с наилучшими пожеланиями»), и так уж его взволновало обещание великого человека упомянуть о нем в следующем своем произведении, что он даже не почувал подвоха, когда Пеннироял начал переадресовывать на его имя счета от виноторговцев. Он даже не пробовал возражать, когда путешественник принялся открыто флиртовать с младшими миссис Блинко! Чтоб их всех, этих писателей!

И тут сквозь жалость к себе и начинающуюся головную боль, затуманившую мозг мистера Блинко, пробилося нечто, произнесенное начальником порта. Название. Знакомое название. Чрезвычайно ценное название!

– Вы сказали – «Дженни Ганивер»?

– Сказал, сэр.

– Но этого не может быть! Она погибла, когда боги уничтожили Лондон!

Начальник порта покачал головой:

– Да нет, сэр, совсем даже ничего подобного. Последние два года она провела в зарубежных небесах. Как я слышал, вела торговлю с городами-зиккуратами Нуэво-Майя.

Мистер Блинко поблагодарил начальника порта и выбежал на набережную. Он был человек солидный и бегал нечасто, но ради такого дела стоило побегать. Он растолкал толпу детишек возле подзорной трубы, установленной на парапете, и внимательно осмотрел небо. В направлении на юг, чуть к западу, блеснули в лучах заходящего солнца кормовые иллюминаторы воздушного корабля. Маленького, ярко-красного корабля с гондолой, кое-как сляпанной из разного металлолома, и сдвоенными двигателями Жёне-Каро.

Мистер Блинко заторопился к своему кораблю, который назывался «Временные трудности», и к своим многострадальным женам.

- Скорее! - завопил он, врываясь в гондолу. - Включите радиоприемник!

- Стало быть, Пеннироял опять ушел у тебя из-под носа, - заметила одна из жен.

- Какой сюрприз! - прибавила другая.

- Точно так же получилось и в Архангельске, - сказала третья.

- Молчать, жены! - заорал Блинко. - Тут важное дело!

Четвертая жена сделала гримаску:

- Едва ли Пеннироял стоит таких хлопот.

- Бедный, милый профессор Пеннироял, - захныкала пятая.

- Да забудьте вы про этого Пеннирояла! - проревел муж. Стащил с себя шляпу, торопливо натянул радионаушники, настроил приемник на секретную волну, раздраженно махнул рукой жене номер пять, чтобы прекратила нытье и крутила рукоятку стартера. - Кое-кто очень хорошо мне заплатит за сведения, которые я только что узнал! Торговое судно, на котором улетел Пеннироял, - это бывший корабль Анны Фанг!

Том только сейчас понял, насколько он истосковался по общению с другими историками. Эстер всегда с удовольствием слушала, когда ему случалось

вспомнить какие-нибудь разрозненные факты из прежних учебных дней, но почти ничего не могла предложить в ответ. Сама она с семи лет жила своим умом, могла на полном ходу запрыгнуть на борт движущегося города, умела поймать и освежевать кошку, знала, куда нужно ударить ногой нападающего грабителя, а вот историей своего мира как-то не удосужилась заняться вплотную.

И вдруг появился профессор Пеннироял, сразу заполнив своим обаянием полетную палубу «Дженни». У него на любой случай жизни имелась своя теория или анекдот. Слушая его, Том едва не почувствовал ностальгию по старым временам, по лондонскому Музею, где его окружали книги, факты, экспонаты и атмосфера научных споров.

– Возьмем, к примеру, вот эти горы, – говорил Пеннироял, указывая рукой в окошко с правого борта.

«Дженни Ганивер» двигалась на юг, следуя вдоль длинного отрога Тангейзера. По лицу путешественника пробежали отсветы раскаленной лавы, клокочущей в жерле действующего вулкана.

– Им я собираюсь посвятить свою следующую книгу. Откуда они взялись? В древности их не было, мы знаем об этом по сохранившимся картам. Почему же они так внезапно возникли? По какой причине? То же самое в далеком Шань-Го. Чжань-Шань – самая высокая гора на Земле, но в древних летописях она ни разу не упоминается. Что такое эти новые горы – просто результат природной вулканической деятельности, как нам всегда твердили? Или перед нами последствия какого-то чудовищного сбоя в технологии Древних? Возможно, перед нами результат экспериментов с новыми источниками энергии или с каким-нибудь кошмарным оружием. Вулканы на заказ! Только подумай, Том, какая это была бы находка!

– Нас не интересует олд-тек, – машинально буркнула Эстер. Склонившись над штурманским столом, она пыталась проложить курс по карте, и разглагольствования Пеннирояла все больше ее раздражали.

– Ну конечно не интересует, деточка! – вскричал Пеннироял, уставившись на переборку рядом с Эстер (он все еще не был уверен, что сможет, не дрогнув, посмотреть в ее ужасное лицо). – Конечно, конечно! Весьма благородный и

разумный предрассудок. И тем не менее...

– Это не предрассудок, – отрезала Эстер, нацелив на Пеннирояла измерительный циркуль с таким видом, что профессор всерьез испугался, как бы она не нанесла ему тяжелого увечья. – Моя мама была археологом. И путешественницей, и искательницей приключений, и историком, совсем как вы. Она побывала в мертвых землях Америки, выкопала там древний предмет и привезла домой. Предмет назывался МЕДУЗА. Правители Лондона прослышали об этой штуковине и послали своего человека, Валентайна, чтобы он убил мою мать и забрал ту вещь. Заодно он сделал мне вот такое лицо. Он увез ту вещь в Лондон, там за нее взялись инженеры, привели ее в действие, а она возьми да и шарахни, как никто не ожидал, и дело с концом.

– Ах да, – отозвался слегка присмиривший Пеннироял. – Все знают о происшествии с МЕДУЗОЙ. Я даже могу точно сказать, чем занимался в то время. Я тогда находился на борту Читтамоторе, в обществе очаровательной юной особы по имени Минти Бэпснэк. Мы через полмира увидели зарево в небе на востоке...

– А мы были с ним совсем рядом. Мы пролетели сквозь ударную волну и видели, что осталось от Лондона на следующее утро. Огромный мегаполис, родной город Тома, сгорел дотла из-за какой-то дряни, которую раскопала моя мама. Вот потому мы теперь стараемся держаться подальше от олд-тека.

– А-а, – неловко протянул Пеннироял.

– Я иду спать, – объявила Эстер. – У меня голова болит.

Это была правда. После нескольких часов поучительных речей Пеннирояла позади ее слепого глаза поселилась резкая, пульсирующая боль. Эстер подошла к креслу пилота, собираясь поцеловать Тома на ночь, но не хотелось делать это на виду у Пеннирояла, так что она только быстрым движением коснулась его уха, сказала:

– Позови, когда будет нужно тебя сменить, – и удалилась в каюту на корме.

– Ого! – сказал Пеннироял, когда она ушла.

– У нее довольно тяжелый характер, – согласился Том, смущенный выходкой Эстер. – Но на самом деле она замечательная. Просто застенчивая. Когда познакомишься с нею поближе...

– Конечно, конечно, – сказал Пеннироял. – Сразу видно, что за несколько необычной внешностью скрывается совершенно... э-э...

Но он так и не придумал, что бы такое хорошее сказать об этой девушке, и умолк, глядя в иллюминатор на залитые лунным светом горы, на огни небольшого города, движущиеся вниз, на равнине.

– Знаешь ли, она не права насчет Лондона, – промолвил наконец Пеннироял. – Я хочу сказать – насчет того, что он сгорел дотла. Я говорил с людьми, которые там были. Осталось довольно много обломков. Целые отсеки Брюха лежат в развалинах на открытой Поверхности к западу от Батмунх-Гомпы. Ну как же, одна моя знакомая, очаровательная молодая женщина-археолог, по имени Крюис Морчард, утверждает, что побывала внутри одного из более крупных фрагментов. Она рассказывает удивительные вещи: на каждом шагу обугленные скелеты, громадные куски оплавленных зданий и механизмов. Из-за остаточной радиации среди обломков мелькают разноцветные вспышки, похожие на блуждающие огоньки... или как будет правильнее – бродячие огоньки?

Теперь уже Тому стало не по себе. Гибель родного дома была для него незаживающей раной. Два с половиной года прошло, а сполохи того страшного взрыва до сих пор озаряют его сны. Ему не хотелось говорить о катастрофе, и потому он перевел разговор на любимую тему профессора Пеннирояла – о профессоре Пеннирояле:

– Наверное, во время своих путешествий вы бывали в разных интересных местах?

– Интересных! Не то слово, Том! Чего я только не повидал! Когда приземлимся в брайтонском порту, я первым делом зайду в книжную лавку и куплю тебе полное собрание моих сочинений. Удивительно, что ты не читал их раньше, ведь ты такой умный молодой человек...

Том пожал плечами:

– К сожалению, их не было в библиотеке Лондонского музея...

– Ну конечно! Гильдия так называемых историков! Фу! Замшелые старые хрычи... Знаешь, я когда-то пытался вступить в эту несчастную гильдию. Их главный историк, Таддеус Валентайн, отказал мне наотрез! Только потому, что ему не понравились мои американские находки!

Том был заинтригован. Не очень приятно слышать, как высокоученых членов его гильдии обзывают замшелыми старыми хрычами, но Валентайн – дело другое. Валентайн пытался убить Тома, он убил родителей Эстер. Если Валентайн кого-то не одобрял, считал Том, значит это хороший человек.

– А что вы нашли в Америке, профессор?

– Ну, видишь ли, Том, тут целая история. Хочешь, расскажу?

Том кивнул. В эту ночь, при таком сильном южном ветре, все равно нельзя уходить из рубки. Приятно будет послушать хорошую историю. Это поможет ему не заснуть. К тому же рассказы Пеннирояла пробудили какую-то частичку в душе Тома – воспоминания о прежних временах, когда жизнь была проще, когда он лежал, свернувшись калачиком под одеялом в спальне учеников третьего ранга, и читал при свете фонарика сочинения великих путешественников-историков – Монктона Уайлда, Чун-Мая Споффорта, Валентайна, Фишейкра и Комптона Кларка.

– Да, расскажите, пожалуйста, профессор, – сказал Том.

Глава 4

Земля отважных

Северная Америка, – рассказывал Пеннироял, – это Мертвый континент. Все об этом знают. Ее открыл в тысяча девятьсот двадцать четвертом году Христофор Колумбо, великий детектив и путешественник. Впоследствии там образовалась империя, которая одно время правила всем миром, но была полностью

уничтожена во время Шестидесятиминутной войны. Сейчас это земля красных пустынь, населенных призраками, ядовитых болот, воронок от атомных бомб, ржавого железа и безжизненных скал. Лишь немногие дерзают побывать там. Археологи, такие как Валентайн и бедная матушка твоей приятельницы, отправляются туда в надежде извлечь из древних бункеров обломки олд-тека.

Тем не менее ходят разные слухи. Истории, которые рассказывают в подпитии старые небесные волки в захудалых воздушных караван-сараях. Байки о дирижаблях, сбившихся с курса и оказавшихся вдруг над совсем другой Америкой: зеленой страной, покрытой лесами, лугами и огромными голубыми озерами. Около пятидесяти лет тому назад некий пилот по имени Снори Ульвессон даже совершил посадку на одном из зеленых участков, который он назвал Винляндией[4 - Винляндия - название территории Северной Америки, данное исландским викингом Лейфом Эрикссоном примерно в 986 году. В настоящее время эта территория относится к канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор.] и нанес на карту, а карту передал лорд-мэру Рейкьявика, но, когда современные исследователи начали искать ее в Рейкьявикской библиотеке, никаких следов, конечно, не нашли. Да и все рассказы сводятся к тому же: пилот годами разыскивает увиденное однажды место, но найти не может. Или же, посадив свой корабль, обнаруживает, что зелень, которая так маняще выглядела с высоты, на самом деле - всего лишь токсичные водоросли на озере, образовавшемся в воронке от взрыва.

Но настоящие историки, Том, такие как мы с тобой, знают, что в подобных легендах час-то бывает скрыта крупница истины. Я собрал воедино все слышанные мною рассказы такого рода и пришел к следующему выводу: что-то во всем этом есть, стоило бы разобраться повнимательнее. В самом ли деле Америка мертва, как утверждают мудрецы вроде Валентайна? Или в глубине ее, к северу от мертвых городов, которые посещают охотники за олд-теком, есть такие места, где реки, берущие свое начало от Ледяных Пустошей, смыли всю отраву и Мертвый континент расцвел новой жизнью?

Я, Пеннироял, решил выяснить истину! Весной восемьдесят девятого года я отправился в путь вместе с четырьмя товарищами на своем воздушном корабле «Аллан Квотермейн»[5 - Аллан Квотермейн - литературный персонаж, охотник и путешественник, главный герой цикла приключенческих романов Райдера Хаггарда.]. Мы пересекли Северную Атлантику и вскоре достигли берегов Америки, приземлившись недалеко от того места, которое на древних морских картах называется Нью-Йорк. Там все было мертво, как нам и обещали: одни

лишь громадные кратеры от бомб тысячелетней давности, чьи стенки оплавилась от невыносимого жара, образовав вещество, известное под названием «ядерное стекло».

Мы снова поднялись в воздух и двинулись на запад, в самое сердце Мертвого континента. Тут и случилось несчастье. Разразилась буря почти сверхъестественной силы, мой бедный «Аллан Квотермейн» рухнул на землю посреди бескрайней отравленной пустыни. Трое моих товарищей погибли во время крушения, четвертый умер через несколько дней, отравившись водой из озерца, которое казалось чистым, но на самом деле, видимо, было заражено каким-нибудь мерзким химикатом Древних. Мой спутник весь посинел, и от него шел запах старых носков.

В полном одиночестве, едва волоча ноги, я побрел на север, пересек Равнину Кратеров, где когда-то находились легендарные города Чикаго и Милуоки. Я уже не думал о том, чтобы отыскать зеленую Америку. У меня была только одна надежда – добраться до края Ледяных Пустошей, где меня могли спасти кочевники-снегоходы.

В конце концов и эта надежда угасла. Ослабев от переутомления и обезвоживания, я лег на землю в иссохшей долине между двумя зубчатыми цепями высоких черных гор. В отчаянии я воскликнул: «Неужели так и окончит жизнь Нимрод Пеннироял?» И камни, казалось, отвечали: «Да». Я, видишь ли, простился со всякой надеждой, поручил свою душу богине смерти и закрыл глаза, ожидая, что открою их вновь уже бестелесным духом в Стране, не ведающей солнца. Когда я очнулся, то лежал, закутанный в меха, на дне каное, и какие-то милые молодые люди на веслах везли меня к северу.

Это не были коллеги-путешественники из Охотничьих Угодий, как я предположил вначале. Это были туземцы! Да, в самой северной части Мертвого континента действительно живут люди! Прежде я принимал на веру традиционную версию – ту самую, которую тебе, несомненно, излагали в твоей Гильдии историков: якобы немногочисленные бедняги, пережившие падение Америки, бежали по льду на север и там, смешавшись с эскимосами, стали прародителями современной расы снегоходов. Но теперь я понял, что кое-кто остался! Дикие, нецивилизованные потомки древней нации, чьи жадность и эгоизм некогда привели мир к гибели, – но у этих дикарей все же хватило человечности, чтобы спасти умирающего от голода несчастного по имени Пеннироял!

Вскоре я уже мог объясняться со своими спасителями при помощи знаков и жестов. Это были девушка и юноша, и звали их Допускается Машинная Стирка и Доставка В Течение Двенадцати Дней. Как я понял, они обнаружили меня во время собственной экспедиции, отправленной на поиски ядерного стекла среди развалин древнего города Дулута. (Между прочим, как мне удалось установить, у них в племени ожерелье из ядерного стекла ценится так же дорого, как среди самых изысканных модниц Парижа или Движеграда. Оба моих новых знакомых носили серьги и браслеты из этого вещества.) Они блестяще владели навыками выживания среди ужасных пустынь Америки: умели переворачивать камни, охотясь за съедобными личинками, и распознавать пригодную для питья воду по наличию особых водорослей. Но эти заброшенные земли не были их родным домом. Нет, они пришли с севера и теперь, насколько я понял, возвращались вместе со мной к своему племени!

Вообрази мое волнение, Том! Пока лодка продвигалась вверх по реке, я словно возвращался к истокам мира. Поначалу вокруг виднелись лишь голые скалы, среди которых местами выпирали полуразрушенные от времени камни или покореженные балки – все, что осталось от грандиозных строений Древних. И вот однажды я начал замечать вдали пятна зеленого мха – одно, другое! Еще несколько дней пути на север – и по обоим берегам реки стали появляться трава, папоротники, заросли тростников. Сама река стала заметно чище. Доставка В Течение Двенадцати Дней ловил рыбу, а вечером Допускается Машинная Стирка готовила ее на костре, который мы разводили на берегу. А деревья, Том! Березы, дубы и сосны росли повсюду. Река впадала в обширное озеро, а на берегу стояли примитивные жилища племени. Какое зрелище для историка! Снова живая Америка, через столько тысячелетий!

Не стану утомлять тебя рассказами о том, как я жил среди этих славных людей в течение трех лет. Или о том, как я спас прекрасную дочь вождя, по имени Почтовый Индекс, от голодного медведя, как она полюбила меня и как мне пришлось спастись бегством от ее разъяренного жениха. Умолчу и о том, как я снова отправился на север, как шел по льду и в конце концов после многих приключений вернулся в Охотничьи Угодья. Все это, когда приедем в Брайтон, ты сможешь прочесть в моем междугородном бестселлере «Прекрасная Америка».

Том долго сидел, не говоря ни слова. Голова его была полна чудесных видений. То`му не верилось, что он никогда прежде не слышал о великом открытии Пеннирояла. Наверняка оно потрясло весь мир! Это монументально! Какие же дураки сидят в Гильдии историков, что прогнали такого человека!

Наконец Том сказал:

– Профессор, а вы больше не возвращались туда? Наверное, если снарядить вторую экспедицию, более основательно...

– Увы, Том, – вздохнул Пеннироял. – Я так и не нашел желающих финансировать повторную экспедицию. Не забывай, что вся фотоаппаратура и оборудование для сбора образцов погибли при крушении «Алана Квотермейна». Уходя из племени, я захватил с собой несколько артефактов, но все они потерялись во время долгого обратного пути. Не имея доказательств, как мог я надеяться собрать деньги на вторую экспедицию? Как выяснилось, одного только слова альтернативного историка еще недостаточно. Да что там, – сказал он с грустью, – есть люди, Том, которые и по сей день считают, что я вообще не был в Америке.

Глава 5

Лисицы-оборотни

Эстер проснулась на следующее утро – в рубке по-прежнему раздавался трубный глас профессора Пеннирояла. «Неужели он проторчал там всю ночь? Да нет, вряд ли», – подумала она, ополаскивая лицо над маленьким умывальником в камбузе «Дженни Ганивер». Профессор успел выспаться, в отличие от бедного Тома, а теперь его выманил на палубу аромат утренней чашки кофе, который заварил себе Том.

Эстер повернула голову, чтобы смотреть в иллюминатор, пока будет чистить зубы, – все, что угодно, лишь бы не встречаться взглядом с собственным отражением в зеркале над умывальником. Небо было цвета заварного крема из пакетика, его пересекали полосы туч цвета ревеня. В центре этой картины

застыли три крошечные черные крапинки. Пятнышки грязи на стекле, подумала Эстер, попробовала стереть их рукавом и поняла, что ошибается. Она нахмурилась, принесла подозрную трубу и принялась рассматривать крапинки. Нахмурилась еще сильнее.

Когда она вошла в рубку, Том готовился пойти подремать. Ураган не утих, но они уже удалились от гор, и, хотя ветер будет замедлять движение, он больше не грозил отнести их в тучу вулканического пепла или разбить о скалы. Том выглядел усталым, но довольным и радостно улыбнулся Эстер, когда она, пригнувшись, вылезла из люка. Пеннироял сидел в кресле второго пилота с кружкой лучшего на «Дженни» кофе в руках.

– Профессор рассказывал мне о своих экспедициях, – взволнованно начал Том, уступая место Эстер за пультом управления. – У него были такие приключения, ты не поверишь!

– Возможно, – согласилась Эстер. – Но в данную минуту мне хотелось бы услышать только одно: почему на нас идет звено боевых дирижаблей?

Пеннироял испуганно пискнул и поскорее зажал себе рот рукой. Том подошел к иллюминатору левого борта и посмотрел туда, куда указывала Эстер. Крапинки приблизились, и стало совершенно очевидно, что это воздушные суда, числом три, идущие развернутым строем.

– Может быть, это торговые корабли направляются в Воздушную Гавань? – сказал Том с надеждой.

– Это не торговый караван, – возразила Эстер. – Они идут боевым порядком.

Том снял с крюка под приборной доской полевой бинокль. Расстояние до воздушных кораблей было около пятнадцати километров, но Том сразу увидел, что они быстроходны и хорошо вооружены. На баллонах виднелись зеленые опознавательные знаки, но в остальном они были абсолютно белыми. Это придавало им необъяснимо зловещий вид: словно призраки дирижаблей мчатся сквозь рассвет.

– Это истребители Лиги, – сказала Эстер напрямик. – Я узнаю их двигатели с раструбами. Лисицы-оборотни Мурасаки.

В голосе Эстер слышался страх, и по очень основательной причине. Вот уже два года они с Томом всеми силами старались уклоняться от встреч с Лигой противников движения, потому что «Дженни Ганивер» принадлежала когда-то агенту Лиги, бедной убитой Анне Фанг, и хотя, строго говоря, они корабль не украли, но Лига наверняка смотрела на это по-другому. Они рассчитывали, что уж на севере-то будут в безопасности, – после падения стационарного города на Шпицбергене силы Лиги здесь значительно ослабли.

– Поворачиваем, – сказала Эстер. – Будем двигаться по ветру, постараемся от них удрать или спрятаться в горах.

Том колебался. «Дженни» была намного быстрее, чем можно было подумать, судя по деревянной гондоле и двигателям, собранным из разного металлолома, но едва ли ей удастся удрать от Лисиц-оборотней.

– Бежать – значит признать свою вину, только и всего, – сказал он. – Мы ничего плохого не сделали. Я с ними поговорю, выясню, что им нужно...

Он потянулся к радиопередатчику, но Пеннироял перехватил его руку:

– Не надо, Том! Я слышал про эти белые корабли. Это не регулярные войска Лиги противников движения! Они подчиняются Зеленой Грозе, новой секте фанатиков, которая недавно отделилась от Лиги и обосновались на секретных авиабазах здесь, на севере. Эти экстремисты поклялись уничтожить все города без разбора, и всех горожан тоже. Великие боги, если они нас поймают, то перебьют всех прямо здесь, не выходя из гондолы!

Лицо путешественника приобрело оттенок самых дорогих сортов сыра, на лбу и на носу заблестели капельки пота. Рука, сжимавшая запястье Тома, дрожала. Профессор Пеннироял, переживший столько приключений, – неужели он боится?

Эстер подошла к иллюминатору как раз вовремя, чтобы увидеть, как с одного из приближающихся кораблей выпустили ракету, давая «Дженни Ганивер» приказ лечь на параллельный курс и позволить их людям перейти к себе на борт. Эстер не так уж безоговорочно верила Пеннироялу, но в этих кораблях все-таки было что-то угрожающее. Она была уверена, что они не случайно встретились на пути «Дженни». Кто-то специально отправил эти дирижабли на их поиски.

Эстер коснулась руки Тома:

- Давай!

Том навалился на штурвал, разворачивая «Дженни» к северу, в ту сторону, куда дул ураган. Том переключил несколько медных рычажков – урчание мотора зазвучало тоном выше. Еще один рычажок – раскрылись небольшие полукруглые паруса из силиконового шелка между двигателями и баллонами с газом. С их помощью «Дженни» получила дополнительное ускорение.

- Мы от них уходим! – крикнул Том, глядя в перископ на зернистое перевернутое изображение вида с кормы.

Но Лисицы-оборотни были упорны. Они изменили курс вслед за «Дженни» и сумели выжать из своих моторов добавочную мощность. Спустя час они подошли настолько близко, что Том и Эстер смогли разглядеть знак, нарисованный на их баллонах: не сломанное колесо Лиги противников движения, а зеленый зигзаг молнии.

Том окинул взглядом тускло-серый ландшафт внизу, надеясь высмотреть город или хоть поселок, где можно было бы попросить убежища. Но никаких городов видно не было, кроме парочки медлительных обиталищ лапландских крестьян, которые гнали стада оленей через тундру далеко-далеко на востоке, но до них невозможно было добраться раньше, чем Лисицы-оборотни отрежут путь «Дженни Ганивер». Впереди горизонт заслоняли горы Тангейзера. Одна надежда – укрыться в их ущельях за тучами вулканического пепла.

- Что будем делать? – спросил Том.

- Не останавливаться, – сказала Эстер. – Может, выйдет оторваться от них в горах.

- А если они обстреляют нас ракетами? – заскулил Пеннироял. – Они ужасно близко! Что, если они откроют огонь?

- «Дженни» нужна им целой, – ответила Эстер. – Они не рискнут стрелять.

– Нужна «Дженни»? Да кому может понадобится эта старая развалина? – От страха Пеннироял стал несколько вспыльчивым. Когда Эстер объяснила, что к чему, он завопил во все горло: – Это был корабль Анны Фанг? Великая Клио! Поскитт всемогущий! Ведь Зеленая Гроза просто-таки обожествила Анну Фанг! Они основали свое движение на пепелище Северного воздушного флота, поклявшись отомстить за гибель людей, убитых лондонскими агентами в Батмунх-Гомпе! Еще бы они не хотели вернуть себе ее корабль! Милосердные боги, что же вы мне раньше не сказали, что дирижабль краденый? Немедленно верните мне деньги!

Эстер оттолкнула его и подошла к столу, на котором были расстелены карты.

– Том, – окликнула она, разглядывая карту Тангейзера хребта. – Вот тут, к западу, разрыв в цепи вулканов – Драконий перевал. Может, там есть город, где мы сможем встать на стоянку.

Они все летели вперед, поднялись выше, в разреженные слои атмосферы над горными пиками, один раз чуть было не зацепили столб дыма, извергавшийся из жерла молодого вулкана. Не видно было ни перевала, ни города. Прошел еще час. Лисицы-оборотни упорно сокращали расстояние и вдруг дали залп; ракеты мелькнули мимо иллюминаторов и взорвались почти вплотную к правому борту.

– О Квирк! – вскрикнул Том.

Но Квирк – лондонский бог, и если уж он не потрудился спасти собственный город, почему он будет беспокоиться из-за потрепанного кораблика, затерянного среди сернистых испарений над хребтом Тангейзера?

Пеннироял попытался залезть под стол.

– Они стреляют в нас ракетами!

– Ах, спасибо, а мы-то удивлялись, что это за здоровенные штуковины там рвутся! – Эстер была очень сердита из-за того, что ее предсказание не сбылось.

– А ты говорила – они не станут стрелять!

– Они целятся в двигатели, – сказал Том. – Если попадут, мы остановимся, а они нас догонят и возьмут на абордаж...

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – набросился на него Пеннироял. – Отстреливайтесь, что ли!

– У нас нет ракет, – уныло ответил Том.

После той последней ужасной битвы в небе над Лондоном, когда он сбил «Лифт на тринадцатый этаж» и видел, как сгорела вся его команда в пылающей гондоле, Том поклялся, что «Дженни» будет мирным кораблем. С тех пор ее ракетницы пустовали. Теперь Том жалел о своей излишней совестливости. Из-за него Эстер и профессор Пеннироял вот-вот попадут в лапы Зеленой Грозы.

Совсем рядом ухнула еще одна ракета. Пора принимать отчаянные меры. Том снова призвал на помощь Квирка, резко повернул руль на левый борт и погнал «Дженни» полным ходом в горный лабиринт. Дирижабль то оказывался в тени изрезанных ветром базальтовых утесов, то снова выскакивал на яркий солнечный свет.

А далеко внизу, прямо по курсу, тоже шла охота. Крошечный городок-кладоискатель удирал по горному ущелью в южном направлении, а за ним, разинув челюсти, катил большущий ржавый трехпалубный город.

Том направил «Дженни» к городу-охотнику, то и дело поглядывая в перископ, – трое Лисиц-оборотней по-прежнему висели у него на хвосте. Пеннироял грыз ногти и невнятно бормотал имена каких-то малоизвестных богов:

– О великий Поскитт! О Диббл, сохрани нас и помилуй!

Эстер снова включила радио и стала вызывать быстро приближающийся город, прося разрешения на посадку.

Пауза. Очередная ракета выбила тучу пара и мелких осколков из горного склона в тридцати метрах за кормой. Потом в репродукторе затрещало и послышался женский голос, говоривший на аэроперанто с сильным славянским акцентом:

- На связи портовое управление города Новая-Нижний. Посадку не разрешаем.

- Что? - завизжал Пеннироял.

- Но так же не... - начал Том.

- У нас чрезвычайная ситуация! - сказала Эстер в микрофон. - За нами гонятся!

- Мы знаем, - ответил голос сквозь треск радиопомех. Ответил с сожалением, но твердо. - Нам не нужны проблемы. Новая-Нижний - мирный город. Просьба не приближаться, иначе мы откроем огонь.

Ракета, выпущенная ведущим дирижаблем Лисиц-оборотней, взорвалась у самой кормы. Хриплые голоса авиаторов Зеленой Грозы на мгновение заглушили угрозы Новой-Нижнего, затем женский голос послышался вновь и очень настойчиво предупредил:

- Не приближайтесь, «Дженни Ганивер», или мы будем стрелять!

Вдруг у Тома появилась идея.

Некогда было объяснять Эстер, что он задумал. Да и вряд ли она бы одобрила, ведь эту уловку он позаимствовал у Валентайна. Она была описана в «Приключениях практикующего историка», одной из тех книг, которые он читал с замиранием сердца, когда еще был учеником и не знал, какие они на самом деле, настоящие приключения. Выпустив струю газа из верхних клапанов, «Дженни» камнем полетела вниз, грозя на всем ходу врезаться в город. Голос из репродуктора вмиг поднялся до визга, Эстер и Пеннироял тоже закричали. Том провел корабль над самыми крышами ржавых фабричных зданий на краю средней палубы, проскочил между двумя огромными опорными столбами и нырнул в тень верхней палубы. Две Лисицы-оборотня резко замедлили ход, но их предводитель был смелее и ринулся вслед за своей добычей в самое сердце города.

Том впервые посетил Новую-Нижний, причем визит оказался весьма коротким. Насколько он успел разобрать, город был построен примерно по тому же плану, что и бедный старый Лондон. От центра каждой палубы расходились широкие

радиальные улицы. Вдоль одной из них и мчалась «Дженни Ганивер» на высоте уличных фонарей. Из верхних окон тарасились испуганные лица, пешеходы разбегались кто куда, спеша убраться с дороги. Ближе к центру яруса громоздилась чаща опорных колонн и лифтовых шахт.

Маленький воздушный кораблик проскользнул между ними, исполнив головокружительный слалом, оставляя зазор не больше нескольких сантиметров, поцарапав оболочку баллона и ободрав краску с лопастей рулевого винта. Их преследователю повезло меньше. Ни Эстер, ни Том не разглядели, что именно произошло, зато они слышали душераздирающий треск, который заглушил даже рев моторов «Дженни», и увидели в перископ, как сыплются на городскую палубу обломки. Гондола Лисицы-оборотня, зацепившаяся за навесные трамвайные пути, раскачивалась, как пьяная.

Миг – и они вырвались на ослепительный солнечный свет по другую сторону города. Казалось, они спаслись, и даже оцепеневший от страха Пеннироял закричал «ура!» в порыве восторга, объединившего всех троих. Но Зеленая Гроза так легко не сдавалась. Когда «Дженни» вынырнула из тянувшегося за городом шлейфа выхлопных газов, двое оставшихся Лисиц-оборотней поджидали среди ясного неба.

Ракета ударила по двигателям правого борта, взрывом выбило стекла в иллюминаторах рубки, воздушная волна бросила Эстер на пол. Кое-как поднявшись на ноги, девушка увидела Тома, по-прежнему склоненного над приборной доской. Его волосы и одежда были, словно инеем, припорошены стеклянной крошкой. Пеннироял сидел на полу, привалившись к ножке стола. Из ссадины на лысой голове тонкой струйкой сочилась кровь в том месте, где его задел, падая, медный огнетушитель. Эстер подтащила историка к скамейке у окна. Он еще дышал, но глаза у него закатились, так что из-под век виднелись только два полумесяца белков. Казалось, профессор с интересом изучает внутренность собственной головы.

Еще попадание. Мимо иллюминатора пролетел, крутясь, кусок лопасти пропеллера и стремительно умчался вниз, к снеговым полям, словно бумеранг, не попавший в цель. Том навалился на рычаги управления, но «Дженни Ганивер» уже не слушалась его – то ли рули снесло, то ли порвались подсоединенные к ним тросы. Бешеный порыв ветра, с воем промчавшись через горное ущелье, бросил «Дженни» в сторону Лисиц-оборотней. Ближайший из двух кораблей резко свернул, чтобы избежать столкновения, и тут же врезался в своего

напарника.

Рубка «Дженни» наполнилась зловещими багровыми отсветами близкого взрыва. Когда Эстер снова смогла хоть что-то видеть, небо было полно разлетающихся во все стороны обломков. Эстер слышала, как с треском и грохотом куски Лисиц-оборотней рушатся на склоны горного перевала далеко внизу, как урчат моторы Новой-Нижнего в нескольких километрах за кормой, как скрипят и грохочут гусеницы города, тяжело ползущего на юг, как громко и быстро бьется ее собственное сердце. Девушка вдруг поняла, что моторы «Дженни» молчат. Судя по тому, с каким отчаянием Том дергал рычаги управления, надежды запустить их вновь было очень мало. В разбитые иллюминаторы задувал резкий ветер, принося с собой снежинки и холодный, чистый запах льда.

Эстер наскоро произнесла про себя молитву за упокой души авиаторов Зеленой Грозы, надеясь, что их души немедленно отправятся в Страну, не ведающую солнца, и не станут задерживаться, досаждая оставшимся в живых. Потом она немного скованно подошла к Тому. Том бросил бесполезную борьбу с пультом управления и обнял Эстер. Они стояли рядом, обхватив друг друга, и смотрели вперед. «Дженни» дрейфовала над отрогом большого вулкана. Дальше уже не было гор, только бесконечная голубовато-белая равнина до самого горизонта. Они были отданы на милость ветра, и ветер уносил их, беспомощных, вглубь Ледяных Пустошей.

Глава 6

Надо льдом

Бесполезно, – сказал Том. – Я не могу исправить моторы, пока мы не приземлились, а если мы здесь приземлимся...

Можно было не договаривать. Прошло три дня после катастрофы над Драконьим перевалом. Под дрейфующей, покалеченной «Дженни Ганивер» расстился пейзаж, неприветливый, как морозная луна: иссеченная перекрещивающимися трещинами пустыня, покрытая толстым слоем древнего льда. Тут и там через белизну пробивались вершины гор, но и они были безжизненными, белыми и неприветливыми. Ни следа движущихся городов или кочевников-снегоходов и

никакого ответа на сигналы бедствия, которые «Дженни» регулярно посылала в эфир. Хотя до вечера было еще далеко, солнце уже садилось – тусклый красный диск, не дающий тепла.

Эстер обхватила Тома руками и почувствовала, что он весь дрожит, несмотря на толстое авиаторское пальто, подбитое овчиной. Было ужасно холодно. Холод, словно живое существо, жался к телу, стараясь заползти внутрь через поры и задавить угасающую искорку тепла, еще сохранившуюся глубоко внутри. Эстер чувствовала, как ее пробирает до костей, как мороз вгрызается во вмятину, оставленную в ее черепе мечом Валентайна. Но все-таки она не так замерзла, как бедный Том, который провел целый час на гондоле правого двигателя, пытаясь обколоть с него лед и исправить повреждение.

Эстер отвела Тома на корму, усадила на койку у себя в каюте, набросала на него целую гору одеял и запасных курток, сама тоже забралась под них и устроилась рядышком, чтобы поделиться своим небольшим запасом тепла.

– Как Пеннироял? – спросил Том.

Эстер хмыкнула. Трудно сказать... Путешественник не приходил в сознание, и девушка начинала подозревать, что никогда не придет. В эту минуту он лежал в постели, которую она соорудила для него в камбузе, укрыв его собственным спальным мешком и несколькими одеялами, без которых ей с Томом было вовсе не легко обойтись.

– Каждый раз, как я думаю, что он наконец умер, он шевелится и что-то бормочет, и у меня духу не хватает сбросить его за борт.

Эстер задремала. Спать было легко и приятно. Ей снилось, что каюту вдруг наполнил какой-то странный свет – мерцающее, переменчивое зарево, похожее на свет от МЕДУЗЫ. Вспомнив ту ночь, она крепче прижалась к Тому и нашла его губы своими. Когда она открыла свой единственный глаз, оказалось, что свет никуда не исчез, он по-прежнему пробегал по ее лицу мигающими бликами.

– Северное сияние, – прошептал Том.

Эстер вздрогнула:

– Кто? Где?

– Северное сияние, – со смехом повторил Том, указывая на иллюминатор.

В ночи надо льдом повисла мерцающая разноцветная вуаль, то зеленая, то красная, то золотая, то всех цветов сразу, то почти совсем угасая, то вспыхивая ослепительно сияющими полотнищами.

– Я всегда мечтал посмотреть на него, – сказал Том. – С тех пор как прочел о нем в книге Чун-Мая Споффорта «Зимовка среди снегоходов». И нате вам, вот оно! Словно специально для нас приготовили.

– Поздравляю, – буркнула Эстер и уткнулась лицом в мягкую ямку у него под подбородком, чтобы не видеть огней.

Они, конечно, очень красивые, но это слишком громадная, нечеловеческая красота, и Эстер невольно пришло в голову, что скоро эти огни станут ее погребальными светильниками. Скоро вес льда, намерзшего на оболочке и на такелаже «Дженни», прижмет их к земле, и там, среди мрака и морозных шорохов, Эстер и Том уснут вечным сном.

Она почти не чувствовала страха. Было так славно дремать в сонных объятиях Тома, ощущая, как тепло понемногу уходит из нее. Все знают, что богиня смерти благоволит к влюбленным, которые умерли, обнявшись, и вместе спустились в Страну, не ведающую солнца.

Единственная неприятность – ей вдруг понадобилось пописать. Чем больше она старалась игнорировать эту проблему, сосредоточиться и спокойно ожидать, пока ее коснется темная богиня, тем настойчивее мочевого пузыря напоминал о себе. Не хотелось отвлекаться от процесса умирания, но и перейти в загробную жизнь в мокрых штанах тоже не очень-то романтично.

Ворча и ругаясь, она выбралась из-под вороха одеял и осторожно двинулась вперед, поскользываясь на обледеневшей палубе. Биотуалет разнесло на куски прямым попаданием ракеты, зато на его месте в полу образовалась чрезвычайно удобная дыра. Эстер присела над нею и как можно скорее сделала свое дело, охая от свирепого мороза.

Ей хотелось сразу же вернуться к Тому, и позже она жалела, что не сделала этого, но что-то словно толкнуло ее вперед, в тишину рубки. Сейчас здесь было очень красиво – приборы на пульте управления тускло мерцали под слоем инея. Эстер опустилась на колени перед маленьким алтарем, где стояли статуэтки богини неба и бога пилотов. Многие авиаторы украшали свои алтари портретами предков, но у Тома и Эстер не сохранилось изображений умерших родителей, поэтому они прикрепили к стене над алтарем фотографию Анны Фанг, которую отыскиали в сундуке в каюте, пока ремонтировали «Дженни». Эстер произнесла короткую молитву, обращаясь к ней и надеясь, что Анна будет им другом там, в Стране, не ведающей солнца.

Она уже снова встала, чтобы вернуться к Тому, и тут случайно взглянула вниз и увидела на льду скопление огней. Сначала она подумала, что это просто отражение того странного небесного свечения, которое так нравилось Тому. Но эти огоньки не двигались, не меняли цвет, только чуть-чуть мигали в морозном воздухе. Девушка подошла поближе к разбитому иллюминатору. От холода у нее заслезился глаз, но через какое-то время она различила темную массу позади огней, а выше – бледный шлейф тумана или пара. Перед ней был маленький ледовый город, на расстоянии около десяти километров по левому борту, и этот город двигался на север.

Эстер постаралась заглушить странное, неблагоприятное чувство разочарования и пошла будить Тома. Она хлопала его по щекам, пока он не пошевелился и не застонал:

– Что такое?

– Кто-то из богов нас пожалел, – сказала Эстер. – Мы спасены.

Когда Том выбрался в рубку, город был уже значительно ближе – благоприятный ветер нес их почти прямо на него. Городок был совсем небольшой, двухпалубный, он катил по льду на широких железных полозьях. Том навел на него бинокль и увидел пологие изогнутые челюсти, образующие нечто вроде снегового плуга, а сзади – огромное колесо с крючьями, которое толкало город по льду. Это был изящный город с высокими полукруглыми зданиями на верхнем уровне и чем-то вроде дворцового комплекса ближе к корме, но выглядел он как-то печально: видны были пятна ржавчины и много неосвещенных окон.

– Не понимаю, почему мы не поймали их радиомаяк, – пробормотала Эстер, вертя рукоятки настройки приемника.

– Может, у них нет маяка, – сказал Том.

Эстер прошлась по всем диапазонам радиоволн, ловя попискивание радиомаяка. Но ничего не было слышно. Все это казалось странным и немного зловещим – одинокий город, молча пробирающийся на север. Но когда Эстер обратилась к городу по открытому каналу радиосвязи, ей вполне дружелюбно ответил по-англичански начальник порта, а через полчаса прилетел племянник начальника порта на маленьком зеленом воздушном буксирчике под названием «Хохлатый баклан» и взял «Дженни Ганивер» на буксир.

Прошло совсем немного времени, северное сияние и яркие льдинки звезд едва успели поблекнуть в лучах арктического рассвета, когда дирижабли совершили посадку в почти совершенно безлюдной гавани в носовой части верхней палубы. Начальник порта и его жена, оба добродушные, кругленькие, смуглые, словно желуди, в куртках с капюшонами и меховых шапках, провели «Дженни» в ангар, купол которого раскрылся, как цветок, впуская ее, и отнесли Пеннирояла на носилках в свой дом, находившийся за конторой портового управления. Там, в теплой кухне, новоприбывших ждали кофе, бекон и горячие булочки. Пока Том и Эстер ели, хозяева стояли рядом, одобрительно улыбались и приговаривали:

– Добро пожаловать, путешественники! Добро пожаловать, добро пожаловать! Добро пожаловать в Анкоридж!

Глава 7

Город-призрак

Была среда, а по средам шофер Фрейи всегда возил ее в Храм ледяных богов, чтобы она могла обратиться к ним за советом и руководством. Храм стоял в каких-нибудь десяти метрах от дворца, на том же возвышении недалеко от кормы города. На самом деле не было никакой необходимости вызывать шофера, усаживаться в официального «жука», проезжать это короткое расстояние и

снова вылезать из машины, но Фрейя каждый раз добросовестно проделывала всю процедуру. Маркграфине не подобает ходить пешком.

И вот она опять стоит на коленях в храме-холодильнике, озаренная слабым светом свечей, смотрит снизу вверх на прекрасные ледяные статуи Господина и Госпожи и просит их сказать, что ей делать, или хотя бы дать знак, который подтвердил бы, что все, сделанное до сих пор, было правильно. И снова нет ответа: ни чудесного сияния, ни голосов, шепчущих у нее в голове, ни морозных узоров на полу, складывающихся в слова. Только ровный гул двигателей, от которого чуть подрагивают плиты палубы под ее коленями, да зимние сумерки жмутся к окнам. Внимание невольно рассеивается, в голову лезут какие-то нелепые, раздражающие мысли – например, эти постоянные пропажи во дворце. Ее сердило и немножко пугало, что кто-то может заходить в ее покои и брать ее вещи. Она попробовала спросить ледяных богов, кто же вор, но они, конечно, снова промолчали.

Под конец она помолилась за маму и папу. Интересно, каково им сейчас в Стране, не ведающей солнца? После того как они умерли, Фрейя начала понимать, что никогда по-настоящему их не знала – не так, как другие знают своих родителей. За нею всегда присматривали няньки и прислужницы, маму с папой она видела только за обеденным столом и во время торжественных церемоний. Она называла их «ваше сиятельство» и «сэр». Ближе всего друг к другу они бывали в те редкие летние вечера, когда отправлялись на пикник на ледовой барке маркграфини – скромные, без затей семейные вылазки на природу: только Фрейя, мама, папа да человек семьдесят придворных и слуг. Потом пришла чума, и Фрейе не разрешали даже видеться с родителями, а потом они умерли. Слуги положили их на барку, подожгли и спустили горящую барку на лед. Фрейя стояла у окна, смотрела, как дым поднимается к небу, и у нее было такое чувство, словно отца с матерью никогда и не было на свете.

Шофер ждал у дверей храма, расхаживал взад-вперед и рисовал на снегу узоры носком сапога.

– Домой, Смьер, – распорядилась она.

Шофер засуетился, откидывая крышку «жука», а Фрейя смотрела вперед, в сторону носовой части, и думала о том, что в последнее время в верхнем городе до жалости мало светится окон. Она вспомнила, как издала манифест с разрешением всем желающим из рабочих машинного квартала занимать

пустующие виллы вместо своих тесных квартир на нижней палубе, но мало кто захотел переехать. Может, им нравятся эти тесные квартирны? Может быть, они чувствуют себя спокойнее в привычной обстановке, так же как и она?

Внизу, у воздушной гавани, среди белых и серых оттенков выделялось ярко-красное пятно.

– Смы? Что там такое? Неужели к нам прибыл дирижабль?

Шофер отвесил поклон:

– Встал на якорь прошлой ночью, ваше сиятельство. Торговое судно под названием «Дженни Ганивер». Их подстрелили воздушные пираты или что-то такое, им необходим ремонт. Так говорит начальник порта Аакиук.

Фрейя вглядывалась в даль, стараясь получше рассмотреть незнакомый корабль. Трудно было что-нибудь разглядеть сквозь снежные вихри, которые ветер поднимал над крышами. Подумать, как странно – после такого долгого перерыва на борту Анкориджа снова расхаживают чужеземцы!

– Почему мне раньше не сказали? – спросила она.

– Как правило, маркграфине не докладывают о прибытии простых торговцев, ваше сиятельство.

– А кто же был на этом корабле? Есть интересные люди?

– Двое молодых пилотов, ваше сиятельство. И еще один человек постарше, их пассажир.

– А-а... – протянула Фрейя, моментально теряя интерес.

Она чуть было не взволновалась на минуту, подумала даже, не пригласить ли гостей во дворец, но, разумеется, маркграфине Анкориджа не подобает якшаться с бродягами-пилотами и с человеком, который не в состоянии завести собственный воздушный корабль.

– Мистер Аакиук называл имена – Нэтсуорти и Шоу, ваше сиятельство, – продолжал Сью, усаживая ее в машину. – Нэтсуорти, Шоу и Пеннироял.

– Пеннироял? Не профессор ли это Нимрод Пеннироял?

– Кажется, так. Да, так, ваше сиятельство.

– Тогда я... Тогда я...

Фрейя не знала, куда кинуться. Поправила шляпку, помотала головой. Традиции, служившие ей путеводной нитью с тех пор, как все остальные умерли, ничего не говорили на тему: «Что Следует Делать В Случае, Если Произойдет Чудо».

– Ах! – прошептала она. – Ах, Сью, я непременно должна с ним встретиться! Поезжай в гавань! Приведи его в зал совета – нет, в большой аудиенц-зал. Поезжай, как только отвезешь меня домой... нет, поезжай сейчас же! Я пойду домой пешком!

И Фрейя снова бросилась в храм, возблагодарить ледяных богов за то, что они послали ей знак, которого она так ждала.

Даже Эстер слыхала об Анкоридже. Несмотря на маленькие размеры, это был один из самых известных ледовых городов. Его название происходило еще из Старой Америки. Группа беженцев успела покинуть тот, первый Анкоридж как раз перед тем, как разразилась Шестидесятиминутная война. Они основали новое поселение на исхлестанном штормами северном острове. Там они пережили чуму, землетрясения, ледниковый период, и наконец, восемьсот лет назад, Великое движение городов пришло к ним на север. Каждому городу пришлось стронуться с насиженного места, иначе его съедали более подвижные поселения. Жители Анкориджа переоборудовали свой родной город и пустились в бесконечные странствия по ледяным просторам.

Город не был хищником. Небольшие челюсти использовались только для сбора попадающихся на пути обломков и для добычи пресноводного льда, необходимого для работы паровых котлов. Обитатели Анкориджа жили торговлей. Они путешествовали по окраинам Ледяных Пустошей,

подсоединялись при помощи изящных мостиков-сходней к другим миролюбивым городам и предоставляли им свою рыночную площадь, где собирались археологи и кладоискатели, чтобы продать находки, вырубленные из-под льда.

Что же Анкоридж делает здесь, за много километров от торговых путей, зачем направляется на север, навстречу наступающей зиме? Эти вопросы не давали Эстер покоя, пока она помогала швартовать «Дженни Ганивер», и продолжали тревожить девушку, когда она проснулась, отдохнувшая, после долгого сна в домике начальника порта. В сизых сумерках, которые здесь сходили за дневной свет, было видно, что белые дома вокруг воздушной гавани покрыты потеками ржавчины, многие окна разбиты и смотрят черными провалами, как пустые глазницы скелетов. Саму гавань, казалось, тоже вот-вот захлестнет волна ржавчины. Резкий, холодный ветер наметал грязные сугробы из снега вперемешку с мусором у стен пустых ангаров, тощая собачонка задрала лапу возле кучи старых сцеплений от вагонов небесного трамвая.

– Такая жалость, такая жалость! – приговаривала миссис Аакиук, жена начальника порта, занимаясь приготовлением завтрака для своих молодых гостей. – Видели бы вы наш милый город в прежние времена! Такие богатства, такое оживленное движение! Да когда я была еще девочкой, дирижабли в гавани частенько выстраивались в очередь штук по двадцать в высоту, дожидаясь, пока освободится место для стоянки. Небесные катера, и яхты, и гоночные шхуны прилетали попытать счастья в Арктической регате, приходили роскошные громадные лайнеры, которые назывались именами древних кино королей – «Одри Хепбёрн» и «Гун Ли».

– И что же случилось? – спросил Том.

– Ах, все переменялось, – грустно ответила миссис Аакиук. – Добычи стало мало, и крупные города-хищники вроде Архангельска, которые раньше и смотреть-то на нас не хотели, теперь гоняются за нами при всяком удобном случае.

Ее муж кивнул, разливая по кружкам дымящийся кофе.

– А в этом году случилась чума. Мы приняли на борт несколько кладоискателей-снегоходов, они нашли обломки древнего орбитального оружия, рухнувшего на лед в окрестностях полюса, а оказалось, что эти обломки заражены каким-то ужасным искусственным вирусом, оставшимся от Шестидесятиминутной войны.

Ах, да вы не пугайтесь: эти старинные боевые вирусы очень быстро выполняют свою работу, а потом мутируют и превращаются в нечто совершенно безвредное. Но болезнь распространилась по всему городу, словно лесной пожар, и убила сотни людей. Погибли даже старая маркиграфиня и ее консорт. Когда все кончилось и карантин был снят, многие уже не видели никакого будущего для Анкориджа. Они поделили между собой имеющиеся дирижабли и отправились строить свою жизнь заново в другие города. Едва ли нас здесь осталось больше пятидесяти человек.

– И все? – изумился Том. – Как может такое небольшое количество людей поддерживать на ходу город такого размера?

– Никак не может, – ответил Аакиук. – По крайней мере, не вечно. Но старый мистер Скабиоз, наш мастер-механик, творит чудеса с помощью автоматизированных систем, хитрых приспособлений олд-тека и тому подобного. С ним мы сможем продержаться достаточно долго.

– Достаточно долго для чего? – подозрительно спросила Эстер. – Куда вы направляетесь?

Улыбка начальника порта мгновенно угасла.

– Этого я не могу вам сказать, мисс Эстер. Кто поручится, что вы не полетите продавать эти сведения Архангельску или еще какому-нибудь хищнику? Не хватало нам еще угодить в засаду на Высоком льду. Доедайте-ка свои гамбургеры, и пойдем посмотрим, не найдется ли у нас запчастей для вашей бедненькой побитой «Дженни Ганивер».

Они доели, и начальник порта повел их через доки в огромный склад, чья изогнутая кровля по форме напоминала кита. Внутри в полумраке громоздились в шатком равновесии отслужившие свой срок двигатели и части гондол вперемешку с запасными деталями, снятыми с дирижаблей, которые отправились на слом, и изогнутыми алюминиевыми стойками от баллонов, похожими на ребра какого-нибудь великана. Под потолком висели пропеллеры всевозможных размеров, тихонько покачиваясь в такт движению города.

– Раньше этот склад принадлежал моему брату, – сказал Аакиук, освещая завалы рухляди электрическим фонариком. – Но он умер во время чумы, так что теперь,

наверное, все это мое. Будьте спокойны, я умею чинить практически любые поломки, а делать мне в последнее время все равно нечего.

Они пробирались вслед за начальником порта в ржавой темноте, и вдруг как будто что-то маленькое, тихонько звякнув, шмыгнуло прочь между стеллажами, заваленными всевозможным металлоломом. Эстер, настороженная, как всегда, быстро повернулась в ту сторону, вглядываясь во тьму своим единственным глазом. Ничто не шевелилось. Наверное, среди такого скопища всяческого хлама постоянно падают небольшие предметы? В здании с разболтанными амортизаторами, которые скрипят и дергаются во время движения города по льду? И все-таки Эстер никак не могла избавиться от ощущения, что кто-то за ней наблюдает.

– Двигатели Жёне-Каро, не так ли? – спрашивал тем временем мистер Аакиук.

Ему явно понравился Том. Том всегда всем нравился. Начальник порта очень старался ему помочь, лазил по кучам запчастей и сверялся с записями в большущей заплесневелой амбарной книге.

– Кажется, вот это вам подойдет. Газовые аккумуляторы у вас старой тибетской работы, судя по виду. Что не сможем залатать, я заменю отличными элементами RJ50 от «Ястреба-Мотылька» с Чжань-Шаня. Да, думаю, недели через три ваша «Дженни Ганивер» снова сможет подняться в воздух.

Далеко внизу, в темно-синем мраке, три пары внимательных глаз не отрывались от маленького экрана, рассматривая зернистое изображение Тома, Эстер и начальника порта. Три пары ушей, бледных, как подземные грибы, ловили каждое слово, которое произносили искаженные электроникой голоса, чуть слышным шепотом долетавшие из верхнего мира.

* * *

Когда вернулись в дом начальника порта, миссис Аакиук снарядила Тома и Эстер, вручив им по паре сапог, надевающихся поверх обычной обуви, снегоступы, термобелье, толстые свитера из неочищенной шерсти, варежки, шарфы и куртки с капюшонами. Еще она дала им специальные маски для

защиты от мороза, подбитые овечьей шерстью, со слюдяными окошечками для глаз и с фильтром для дыхания. Миссис Аакиук не сказала, откуда у нее все эти вещи, но Эстер заметила на домашнем алтаре несколько фотографий, украшенных траурными ленточками, и догадалась, что их с Томом одели в костюмы умерших детей Аакиуков. Она от души надеялась, что чумные бактерии действительно погибли, как уверял начальник порта. Но маска ей понравилась.

На кухне они увидели профессора Пеннирояла, который сидел у печки, опустив ноги в тазик с горячей водой. Голова у него была перевязана. Он был довольно бледный, но в остальном такой же, как всегда, – шумно прихлебывал из кружки чай, который миссис Аакиук заварила из мха, и радостно приветствовал Эстер и Тома.

– Душевно рад видеть вас живыми и здоровыми! Какие приключения мы с вами пережили, а?! Найдется что включить в мою следующую книгу...

На стене рядом с печью задребезжал латунный телефон. Миссис Аакиук торопливо сняла трубку, внимательно выслушала сообщение, которое передавала ей ее приятельница, миссис Умиак, работавшая на телефонной станции. Лицо миссис Аакиук расплылось в сияющей улыбке, а когда она повесила трубку и обернулась к гостям, то едва могла говорить от волнения.

– Замечательные новости, мои дорогие! Маркграфиня даст вам аудиенцию! Сама маркграфиня! Она пришлет за вами шофера, чтобы он отвез вас в Зимний дворец! Такая честь! Подумать только, вы поедете из моей скромной кухни напрямиком в аудиенц-зал маркграфини!

Глава 8

Зимний дворец

Что такое «маркграфин»? – шепнула Эстер на ухо Тому, когда они снова вышли на мороз. – Сосуд какой-нибудь?

– Маркграфиня, – поправил Том. – Я думаю, это что-то вроде женщины-мэра.

– Маркграфиня, – вмешался в разговор Пеннироял, – это женский вариант маркграфа. Во многих северных городах сохранилось нечто подобное: наследственная правящая семья, где титул передается из поколения в поколение. Маркграф. Бейлиф. Граф. В Айзенштадте – курфюрст. В Архангельске – директор. Здесь очень трепетно относятся к традициям.

– Ну не знаю, почему бы им просто не назвать ее мэршей, да и дело с концом, – проворчала Эстер.

У ворот порта их поджидал «жук» – электромобиль вроде тех, которые Том помнил еще по Лондону, хотя там ему не встречались такие красивые машины. «Жук» был выкрашен в ярко-красный цвет с золотой буквой «Р» на боку, окруженной вычурными завитушками. Единственное заднее колесо было крупнее, чем у обычного «жука», и утыкано шипами для лучшего сцепления со снегом. Над двумя передними колесами – изогнутые крылья, а над ними – большие электрические фары; в их лучах плясали снежинки.

Шофер увидел, что гости идут, и откинул стеклопластиковую крышу. Он был одет в красную униформу с золотым галуном и эполетами, и когда выпрямился в полный рост, отдавая честь, то едва доставал Эстер до талии. Ребенок, подумала она сперва, но тут же увидела, что на самом деле он намного старше ее. На низеньком туловище сидела голова взрослого мужчины. Эстер быстро отвела глаза – она поняла, что уставилась на него с точно таким обидным жалостливым любопытством, с каким, бывало, смотрели на нее саму.

– Мое имя Сью, – сказал шофер. – Ее сиятельство поручила мне доставить вас в Зимний дворец.

Эстер и Том забрались в машину и устроились, основательно притиснутые, по бокам профессора Пеннирояла. Он занял на удивление много места для такого некрупного человека. Сью захлопнул крышу, и они отправились. Том оглянулся помахать Аакиукам, смотревшим в окошко, но воздушная гавань уже скрылась в зимних сумерках, за летящим снегом. «Жук» ехал по широкой улице, по обеим сторонам которой тянулись крытые аркады. Мелькали магазины, рестораны, роскошные виллы – все темные, мертвые.

– Это Расмуссен-проспект, – сообщил Сью. – Весьма изысканная улица. Проходит через центральную часть верхнего города от носа до кормы.

Том рассматривал все вокруг сквозь прозрачный колпак «жука». Его поразила печальная красота этого места, но от царящей здесь пустоты делалось жутко. Куда стремится этот город, зачем он мчится к безжизненному северу? Том вздрогнул в своих теплых одежках – ему вспомнился другой город, где им пришлось побывать, который тоже направлялся неизвестно куда с какой-то загадочной целью: Танбридж-на-Колесах, чей свихнувшийся мэр загнал свой город в водную могилу Хазакского моря.

– Приехали, – внезапно объявил Сью. – Зимний дворец, резиденция дома Расмуссен в течение восьми столетий.

Они приближались к корме. Мотор «жука» взревел на подъеме по длинному пандусу. На возвышении стоял дворец, который Том видел с высоты накануне ночью: завиток белого металла с острыми шпильями и обледенелыми балконами. Верхние этажи казались пустыми и заброшенными, но в окнах нижних этажей кое-где горел свет, а в бронзовых газовых светильниках возле круглой парадной двери плясали веселые огоньки.

«Жук» остановился, скрипя по снегу. Сью откинул колпак, чтобы пассажиры могли выйти из машины, затем взбежал по ступенькам и, отворив входную дверь, впустил их в небольшое помещение – тепловой шлюз. Шофер закрыл раздвижные двери, и через несколько секунд, когда холодный воздух, принесенный с улицы, согрелся благодаря действию отопительных батарей, встроенных в потолок и стены, открылась внутренняя дверь. Сью повел гостей в коридор, стены которого были обшиты деревянными панелями и увешаны гобеленами. Впереди показались гигантские двойные двери, отделанные бесценными сплавами древних технологий. Сью постучал, пробормотал: «Подождите, пожалуйста, здесь» – и умчался в один из боковых коридоров. Здание тихонько поскрипывало, покачиваясь в такт движению города. Пахло плесенью.

– Не нравится мне это, – сказала Эстер, глядя на паутину, которая толстой вуалью окутывала канделябры и свисала с труб парового отопления. – Зачем нас сюда зазвали? Может, это ловушка.

– Вздор и чепуха, мисс Шоу, – фыркнул Пеннироял, изо всех сил стараясь не подавать виду, что его напугало ее предположение. – Ловушка? Для чего маркиграфине расставлять нам ловушку? Не забывайте, это же благородная дама, нечто вроде женщины-мэра.

Эстер пожала плечами:

– Я в своей жизни встречала только двух мэров, и в них не было ничего особенно благородного. Они оба были совершенно сумасшедшие.

Двери вдруг вздрогнули и поползли в стороны, скрежеща подшипниками. За дверью стоял Сью. Теперь он был одет в длинный синий балахон и шестиугольную шляпу, а рука его сжимала посох в два раза выше его самого. Он приветствовал гостей с такой торжественностью, словно в глаза их раньше не видел, а затем трижды ударил посохом в металлический пол.

– Профессор Нимрод Пеннироял с сопровождающими! – провозгласил он и отступил в сторону, освобождая проход в просторный зал с колоннами.

Со сводчатого потолка свисал ряд светильников в виде шаров, заполненных аргоном. Они отбрасывали на пол круглые пятна света, образующие дорожку, которая вела в дальний конец огромного зала. Там, на возвышении, кто-то сидел и ждал, развалившись в небрежной позе на пышно украшенном троне. Эстер нашла на ощупь руку Тома, и они зашагали рядышком вслед за Пеннироялом, попадая то в тень, то на свет, то в тень, то на свет, пока не остановились у подножия трона, глядя снизу вверх в лицо маркграфини.

Почему-то оба ожидали, что увидят перед собой старушку. Все в этом тихом, выцветшем доме говорило о дряхлости и распаде, о древних обычаях, сохранившихся до наших дней, хотя их смысл давно забыт. Но девушка, надменно смотревшая на них сверху вниз, была даже младше Эстер и Тома. Да ей же никак не больше шестнадцати! Полненькая, хорошенькая, одетая в изысканное льдисто-голубое платье, поверх которого накинута белая мантия с воротником из лисьего меха. Чертами лица чем-то напоминает эскимосов, как мистер Аакиук и его жена, только у девушки очень светлая кожа и золотистые волосы. Цвета дубовых листьев осенью, подумала Эстер, пряча лицо. Красота маркграфини заставила ее почувствовать себя маленькой, ничтожной, никому не нужной. Эстер принялась выискивать недостатки во внешности незнакомки. Она слишком толстая. И шею ей не мешало бы помыть. А красивое платье погрызла моль, да и застегнуто оно не на ту пуговицу...

Том стоял рядом с Эстер и думал: «Такая молодая – и уже в ответе за целый город! Неудивительно, что у нее грустный вид. Но какая же она красавица!»

– Ваша милость, – обратился к ней Пеннироял с низким поклоном. – Позволено ли мне будет сказать, как глубоко я благодарен за то, что вы и ваши люди с такой добротой отнеслись ко мне и моим юным спутникам...

– Меня нужно называть «ваше сиятельство», – произнесла девушка. – Или «свет ледяных полей».

Наступила неловкая пауза. Что-то тихонько шуршало и позвякивало в толстых трубах парового отопления, которые змеились по потолку, обогревая дворец отработанным теплом от двигателей. Девушка на троне рассматривала своих гостей. Наконец она заговорила:

– Если вы Нимрод Пеннироял, почему на фотографии вы не такой толстый и совсем не такой лысый?

Она взяла с маленького столика книгу, показывая заднюю сторону обложки. Тот, кто был там изображен, мог бы быть младшим братом Пеннирояла, значительно более бодрым и свежим.

– А, ну это, видите ли, художественная вольность... – выпалил путешественник. – Тупица-художник... Я ему говорил, пусть изображает меня таким, какой я есть, с брюшком, залысинами и так далее, но вы же знаете этих живописцев, им обязательно нужно идеализировать, выявить внутреннюю сущность человека...

Маркграфиня улыбнулась. (Улыбаясь, она становилась еще красивее. Эстер решила, что она ей совершенно не нравится.)

– Я просто хотела убедиться, что это действительно вы, профессор Пеннироял, – сказала маркграфиня. – Что касается портрета, я вас очень хорошо понимаю. С меня постоянно писали портреты, еще до чумы, помещали их на тарелках, марках, монетах и тому подобных вещах, и никогда не получалось похоже...

Она внезапно замолчала, будто некая внутренняя гувернантка одернула ее, напомнив, что маркграфине не подобает болтать без умолку, словно взволнованный подросток.

– Прошу садиться, – объявила она официальным тоном и хлопнула в ладоши.

Позади трона приоткрылась дверь, из нее рысью выбежал Сью, волоча за собой несколько маленьких креслиц. На этот раз на нем был наряд лакея: фуражка-«таблетка» без козырька и тужурка со стоячим воротником. На мгновение Том подумал: уж не служат ли маркиграфине трое братьев-близнецов? Но, присмотревшись поближе, понял, что Сью все тот же; он еще не успел отдышаться после всех своих переодеваний, а из кармана у него выглядывал парик камергера.

- Нельзя ли побыстрее? – сказала маркиграфиня.

- Виноват, ваше сиятельство.

Сью расставил три креслица напротив трона и снова растворился в тени. Через минуту он появился опять, толкая перед собой тележку с подогревом, на которой стояли чайник и поднос с миндальными пирожными. Вместе с ним явился еще один человек, высокий, строгий, пожилой, одетый в черное. Он кивнул гостям и занял место возле трона. Сью разлил чай в крошечные чашечки из ядерного стекла и вручил их гостям.

- Насколько я понял, вы знакомы с моими сочинениями, о свет ледяных полей? – В голосе Пеннирояла явственно слышались заискивающие нотки.

И вновь маркиграфиня не удержала маску придворного этикета, из-под которой мигом выглянула взволнованная девочка.

- О да! Я обожаю историю, приключения... Я все время об этом читала, до того как... ну, до того как стала маркиграфиней. Я перечитала всю классику: Валентайна, Споффорта, Тамартона Фолио... Но больше всего мне нравились ваши книги, профессор Пеннироял. Они-то и навели меня на мысль...

- Осторожнее, маркиграфиня, – произнес человек, стоявший подле нее.

Голос его негромко рокотал, словно хорошо отлаженный мотор.

- Словом, – сказала маркиграфиня, – поэтому так замечательно, что ледяные боги прислали вас к нам! Понимаете, это знак свыше. Знак, что я приняла правильное решение и что мы найдем то, что ищем. Теперь, когда вы здесь и будете

помогать нам, разве можем мы потерпеть неудачу?

- Совсем чокнутая, - шепнула Эстер на ухо Тому.

- Признаюсь, я в некотором недоумении, ваше сиятельство, - заметил Пеннироял. - Видимо, мои умственные способности еще не совсем восстановились после удара по голове. Боюсь, я не совсем вас понимаю.

- Все очень просто, - сказала маркграфиня.

- Маркграфиня, - снова предостерегающе произнес человек, стоявший рядом с троном.

- Ах, ну не будьте же таким мрачным занудой, мистер Скабиоз! - возразила она. - Это ведь профессор Пеннироял! Ему можно доверять!

- Не сомневаюсь в этом, ваше сиятельство, - сказал Скабиоз. - А вот его юные друзья меня беспокоят. Если они узнают, куда мы направляемся, существует опасность, что они полетят и продадут нас Архангельску, как только будет починен их корабль. Директор Масгард был бы несказанно рад заполучить мои двигатели.

- Мы бы никогда так не сделали! - воскликнул Том и хотел уже подскочить к старику, но Эстер его удержала.

- Думаю, что могу поручиться за свою команду, ваше сиятельство, - сказал Пеннироял. - Капитан Нэтсуорти - историк, как и я, он обучался в Лондонском музее.

Маркграфиня в первый раз внимательно посмотрела на Тома, да с таким восхищением, что он весь покраснел и принялся рассматривать носки своих сапог.

- В таком случае добро пожаловать, мистер Нэтсуорти, - приветливо сказала маркграфиня. - Надеюсь, вы останетесь и тоже поможете нам.

- В чем вам нужно помочь? - напрямик спросила Эстер.

– Помогите нам добраться до Америки, – ответила девушка.

Она перевернула книгу, которую держала в руках, другой стороной. На обложке был изображен мускулистый, невысказанно красивый Пеннироял, сражающийся с медведем, причем профессора подбадривала девушка в меховом купальнике-бикини. Это было первое издание книги «Прекрасная Америка».

– Она всегда была у меня самой любимой, – пояснила маркиграфиня. – Наверное, поэтому ледяные боги и вложили в мою голову мысль о путешествии в Америку. Мы пробьемся через льды к тем новым зеленым землям, которые обнаружил профессор Пеннироял. Там мы заменим полозья на колеса, будем рубить деревья на топливо, станем торговать с дикарями, познакомим их со всеми преимуществами муниципального дарвинизма...

– Но, но, но... – Пеннироял ухватился за подлокотники кресла, словно находился на аттракционе «Американские горки». – Но... я хотел сказать... Канадский ледовый щит... К западу от Гренландии... Еще ни один город не пытался...

– Я знаю, профессор, – согласилась девушка. – Путешествие будет долгим и опасным, как это было и с вами, когда вы пешком выбирались по льду из Америки. Но боги с нами. Наверняка. Иначе они не послали бы нам вас. Я назначу вас почетным Главным навигатором, и с вашей помощью, я уверена, мы благополучно достигнем новых охотничьих земель.

Том в восторге от смелого замысла маркиграфини повернулся к Пеннироялу.

– Какая удивительная удача, профессор! – воскликнул он. – Вы все-таки сможете еще раз побывать в Америке!

Пеннироял издал какой-то булькающий звук, глаза у него вылезли на лоб.

– Я... Главным навигатором? Вы слишком добры, свет ледяных полей, слишком добры...

Профессор лишился чувств. Чашечка из ядерного стекла выпала из его ослабшей руки и разлетелась вдребезги на железном полу. Смыю прищелкнул языком – сервиз был частью древнего наследия дома Расмуссен, но Фрейю это не

смутило.

– Профессор Пеннироял еще не оправился от слабости после своих приключений, – сказала она. – Уложите его в постель! Проветрите комнаты в гостевом крыле для профессора и его друзей. Нужно как можно лучше ухаживать за ним, чтобы он поскорее выздоровел. И бросьте квохтать из-за этой дурацкой чашки, Сью! Когда профессор приведет нас в Америку, мы сможем выкопать сколько угодно ядерного стекла!

Глава 9

Добро пожаловать на объект!

Далеко к югу, за границей льда, в холодном море высится островок. Остров этот весь черный, с острыми зубчатыми скалами, в пятнах помета чаек и поморников, которые обитают на его уступах. Крики птиц слышны за много километров. Они только и делают, что перекликаются или ссорятся между собой, ныряют в волны за рыбой или кружат огромными стаями над самой высокой вершиной, время от времени присаживаясь на крыши приземистых зданий, которые жмутся к горным склонам, или на заржавленные поручни шатких металлических мостков, облепивших утесы, словно древесные грибы – какой-нибудь трухлявый пень. Ибо, хоть это место и выглядит непригодным для жизни, когда-то здесь поселились люди. В камне с помощью взрывчатки выдолбили помещения для ангаров, в узких расщелинах примостились шарообразные резервуары с горючим, словно яйца гигантской паучихи. Именно здесь находился Разбойничий Насест – логово Рыжего Локи и его легендарной шайки воздушных пиратов.

Локи давно уже не стало. На некоторых зданиях еще сохранились следы ракетных ударов, доказывающие, что разбойник не ушел отсюда по доброй воле. Однажды тихой ночью на остров налетел с воздуха боевой отряд, порубил пиратов в мелкое крошево и завладел Насестом, устроив себе здесь базу, до которой не мог добраться ни один голодный мегаполис.

Солнце садилось. Через все небо на востоке протянулись красные, пурпурные, дымчато-оранжевые полосы. На их фоне остров выглядел еще более зловещим, чем обычно, – по крайней мере, так показалось обитателям дирижабля

«Временные трудности», который приближался к Насесту с наветренной стороны, натужно пыхтя мотором. Стволы орудий медленно поворачивались, словно острия копий, отслеживая путь толстобочного старенького кораблика. Пока судно подходило к главному ангару, сопровождающие его Лисицы-оборотни кружили вокруг, словно деревенские собаки, загоняющие в овчарню упрямую овцу.

- Ну и помойка! - возмутилась одна из жен Уиджери Блинко, выглянув в иллюминатор.

- Ты говорил, если донесем на тот обшарпанный корабль, нас ждут деньги и удача, - подхватила другая. - Говорил, мы будем загорать на солнышке где-нибудь на плавучем курорте, а не болтаться неизвестно зачем на краю света.

- Ты обещал нам новые наряды и рабов!

- Тихо, жены! - прикрикнул на них Блинко, пытаясь сосредоточиться на управлении кораблем, пока наземная команда подавала ему сигналы цветными флажками, указывая дорогу в ангар. - Побольше уважения! Это же база Зеленой Грозы! Приглашение сюда - большая честь, знак, что они ценят мои услуги!

По правде говоря, он и сам был не рад, что его заставили явиться на Разбойничий Насест. Передав по радио информацию о своей встрече с «Дженни Ганивер» на базу Зеленой Грозы, расположенную в горах Тангейзера, он рассчитывал получить в ответ «спасибо» и, может быть, хорошее денежное вознаграждение. Уж во всяком случае, он никак не ожидал, что сразу после выхода из Воздушной Гавани его окружит отряд Лисиц-оборотней и отконвоирует сюда, на остров.

- Уважение, как же! - ворчали жены, подталкивая друг друга локтями.

- Жаль только, что Зеленая Гроза не так сильно его уважает!

- Ценят его услуги, скажете тоже!

- Подумать, сколько выгодных сделок мы упускаем, пока здесь валандаемся!

– Говорила мне мама: не выходи за него замуж!

– И мне!

– И мне тоже!

– Да он и сам понимает, что нам здесь ничего хорошего не светит! Смотрите, он же сам не свой от страха!

* * *

Мистеру Блинко все еще было очень не по себе, когда он сошел с корабля и оказался в гулком, захламленном ангаре, но озабоченное выражение мгновенно сменилось покровительственной улыбкой, когда к нему подскочила и отсалютовала молоденькая девушка-субалтерн. Уиджери Блинко всегда питал слабость к хорошеньким барышням, в результате чего ему и пришлось жениться аж на пяти из них, но, хотя все пять оказались довольно-таки сварливыми, упрямыми и без конца дружно его пилили, он невольно подумал: «А не предложить ли девушке-офицеру сделаться номером шестым?»

– Мистер Блинко? – спросила она. – Добро пожаловать на Объект!

– А я думал, милашка, что это место называется Разбойничьим Насестом.

– Командир предпочитает называть его «объектом».

– А-а.

– Я здесь, чтобы отвести вас к ней.

– К ней, вот оно как? Не знал, что в вашей организации так много дам.

Улыбка сошла с лица девушки.

– Члены Зеленой Грозы считают, что женщины и мужчины должны наравне участвовать в будущих военных действиях и победить варваров – приверженцев

движущихся городов, чтобы Земля вновь зазеленела.

– О, конечно, конечно, – быстро проговорил мистер Блинко. – Всецело с вами согласен...

Такие разговоры ему совсем не нравились: военные действия крайне неблагоприятно влияют на бизнес. Но последние два года были неудачными для Лиги противников движения. Лондон подкатил чуть ли не к самым воротам Батмунх-Гомпы, а его агенты спалили Северный воздушный флот. В результате у Лиги не осталось свободных дирижаблей, чтобы прийти на помощь стационарному поселению на Шпицбергене, когда прошлой зимой на него напал Архангельск. Так последний крупный северный город противников движения угодил в брюхо хищника. Естественно, многие младшие офицеры Лиги недовольны нерешительностью Высшего Совета и рвутся отомстить. Будем надеяться, все это кончится ничем.

Плетясь за девушкой-субалтерном, мистер Блинко пытался прикинуть силы этой маленькой базы. В швартовочных ячейках стояли в полной боевой готовности хорошо вооруженные дирижабли Лисиц-оборотней. Попадалось большое количество солдат в белой форменной одежде и бронзовых шлемах. На руках у них были повязки с изображением молнии – символа Зеленой Грозы. «Крепко охраняют, – подумал Блинко, скользнув взглядом по паровым пулеметам. – Но почему? Что такого важного может происходить здесь, в этом глухом углу?»

Мимо промаршировал отряд, несущий здоровенные металлические ящики, прочно запертые, с выполненными по трафарету надписями «Хрупкое» и «Совершенно секретно». Вокруг солдат суетился лысый человечек в прозрачном пластиковом плаще поверх форменной одежды.

– Пожалуйста, осторожней! Без толчков! Там чувствительная аппаратура!

Почувствовав на себе взгляд Блинко, человечек обернулся. Между бровей у него была татуировка в виде красного колеса.

– Чем это вы тут занимаетесь? – спросил Блинко свою конвоиршу, когда они вышли из ангара и начали подниматься по сырым туннелям и лестницам, все вверх, вверх, к самому сердцу горы.

- Это секретная информация.

- Ну уж мне-то вы могли бы сказать?

Девушка-офицер покачала головой. Грубая, бесцеремонная девица, типичная военщина, решил Блинко. Из такого материала не выйдет шестой миссис Блинко. Он стал разглядывать плакаты, развешанные по стенам туннеля. На них были изображены воздушные корабли Лиги, осыпающие дождем ракет движущиеся города; гневные лозунги призывали читателя уничтожить все города. Между плакатами были нарисованы стрелки, указывающие путь к тюремному корпусу, в казарму, на орудийные платформы и в лабораторию. Это тоже казалось довольно странным. Лига противников движения всегда свысока относилась к науке. Там считали, что любой технологический продукт, превосходящий по сложности дирижабль или ракетную установку, - это варварство и лучше с таким не связываться. Очевидно, Зеленая Гроза иначе смотрела на вещи.

Мистеру Блинко сделалось жутко.

* * *

Кабинет командира находился в одном из старых зданий на вершине острова. Когда-то здесь располагались жилые помещения шайки Рыжего Локи, и стены были сплошь изрисованы не вполне приличными картинками, которые командир велела замазать, благопристойности ради. Но сквозь тонкий слой побелки тут и там проглядывали нарисованные лица, словно призраки погибших пиратов неодобрительно взирали на новых обитателей Насеста. В дальней стене было большое круглое окно, за которым не было видно ничего примечательного.

- Это вы Блинко? Добро пожаловать на Объект!

Командир была очень молода. Мистер Блинко надеялся, что начальница базы будет хорошенькой, но она оказалась этакой высокомерной лисичкой, смуглой, черноволосой, с жестким, непреклонным выражением лица.

- Вы - тот агент, который видел «Дженни Ганивер» в Воздушной Гавани? - спросила она.

Ее руки непрерывно сжимались и разжимались, словно беспокойные коричневые пауки. А как уставилась на него своими черными глазищами! Блинко подумалось, что она, пожалуй, малость не в себе.

- Да, ваша честь, - нервно ответил он.

- Вы уверены, что это была именно она? Нет ли здесь ошибки? Может быть, вы просто состряпали эту историю, чтобы выманить обманом деньги у Зеленой Грозы?

- Нет, нет! - поспешно заверил Блинко. - О боги, нет! Я видел корабль Цветка Ветра ясно как день!

Командир отвернулась, подошла к окну и стала смотреть сквозь мутное от соли стекло на быстро темнеющее небо. Помолчав, она сказала:

- Мы сформировали на одной из наших секретных баз боевое звено Лисиц-оборотней и послали на перехват к «Дженни». Никто из них не вернулся.

Уиджери Блинко не знал, что можно на это сказать. Сказал на пробу:

- Да что вы говорите!

Она снова повернулась к нему, но он не мог разглядеть выражение ее лица на фоне освещенного окна.

- Хотя двое варварских лазутчиков, угнавшие «Дженни Ганивер» из Батмунх-Гомпы, выглядели как парочка беспризорников с Поверхности, на самом деле это были высокопрофессиональные агенты на службе у Лондона. Несомненно, они пустили в ход свое адское коварство, чтобы перехитрить нас, уничтожить наши корабли и бежать на север, в Ледяные Пустоши.

- Это, э-э... вполне возможно, командир, - согласился Уиджери Блинко, думая про себя, что это звучит крайне неправдоподобно.

Она подошла к нему вплотную, невысокая, худенькая, впиалась в него горящим взглядом.

– У нас много Лисиц-оборотней. Зеленая Гроза с каждым днем набирает силу. Очень многие командиры Лиги на нашей стороне, они готовы прислать солдат и дирижабли, чтобы укрепить наши базы. Чего нам не хватает, так это разведывательной сети. Поэтому вы нам нужны, Блинко. Я хочу, чтобы вы нашли для меня этот корабль. Возвращайтесь в свой мерзкий Архангельск и прозондируйте почву, или как там это называется. Найдите «Дженни Ганивер» и варваров, которые на ней летают.

– Это, мм... ну, это можно... – протянул Блинко.

– Вам заплатят за услуги.

– Сколько? Не хотелось бы показаться меркантильным, но мне приходится содержать пять жен...

– Десять тысяч – после того как доставите корабль сюда.

– Десять ты...

– Зеленая Гроза щедро награждает своих слуг, – заверила его девушка-командир. – Но и наказывает тех, кто нас предает. Если вы хоть слово шепнете кому-нибудь о своем задании или о том, что видели на Объекте, мы разыщем вас и уьем. Причем весьма болезненным способом. Вы меня поняли?

– А-а... Да! – пискнул Блинко, вертя шляпу в руках. – Э-э... Можно вас спросить, почему все это? Я хотел сказать – почему этому кораблю придается такое значение? Возможно, он имеет некую сентиментальную ценность для Лиги, как своего рода символ, но едва ли это стоит...

– Это стоит той суммы, которую я назвала.

Впервые девушка-командир улыбнулась – холодной, вымученной улыбкой, с какой благодарят дальнего родственника за то, что потрудился приехать на похороны.

– «Дженни Ганивер» и похитившие ее варвары могут оказаться жизненно необходимыми для той работы, которая здесь ведется. Вот и все, что вам нужно знать. Найдите ее и доставьте сюда, мистер Блинко.

Глава 10

Вундеркамера

Все врачи Анкориджа были мертвы. Лучшей сиделкой, какую удалось найти для профессора Пеннирояла, оказалась Виндолен Пай из Направляющего комитета. Когда-то она окончила курсы по оказанию первой медицинской помощи. Вызванная к постели больного в роскошной гостевой комнате на одном из верхних этажей Зимнего дворца, она держала запястье профессора своими тонкими пальцами, считая пульс по карманным часам.

– Я думаю, у него просто обморок, – объявила она диагноз. – Возможно, это от истощения или же у бедного джентльмена наступил запоздалый шок после его ужасных приключений.

– А что же мы-то в обморок не кувыркаемся? – поинтересовалась Эстер. – Мы вместе с ним пережили эти ужасные приключения и все-таки не валимся без чувств на каждом шагу, будто старые девы.

Мисс Пай, которая и сама была старой девой, сурово посмотрела на Эстер.

– По-моему, вам следует удалиться. Профессору необходимы покой, тишина и круглосуточный уход. Кыш отсюда, все!

Эстер, Том и Сью, пятясь, вышли в коридор, и Виндолен Пай решительно закрыла за ними дверь.

Том сказал:

– Наверное, он просто переволновался. Столько лет искал людей, готовых профинансировать вторую экспедицию в Америку, и вдруг оказывается, что

маркграфиня ведет туда целый город...

Эстер засмеялась:

- Это невозможно! Она сошла с ума!

- Мисс Шоу! - задохнулся Сью. - Как вы можете говорить такие вещи? Маркграфиня - наша правительница и наместница ледяных богов на земле! Среди ее далеких предков была Долли Расмуссен. Она-то и вывела оставшихся в живых жителей первого Анкориджа из Америки на безопасные территории. Вполне естественно, что представительнице дома Расмуссен выпало снова привести нас на родину.

- Не понимаю, почему вы за нее заступаетесь, - буркнула Эстер. - Она с вами обращается как с грязью, прилипшей к подошве. И надеюсь, вы не думаете, что вам удалось кого-то обмануть своими переодеваниями. Мы прекрасно заметили, что вы один и тот же.

- Я никого не пытаюсь обмануть, - с достоинством возразил Сью. - Маркграфине положен определенный штат прислуги и должностных лиц: шоферы, повара, камергеры, лакеи и так далее. К сожалению, все они умерли. Вот мне и приходится закрывать собою брешь. Я по мере сил стараюсь поддержать древние традиции.

- А кем же вы были раньше? Шофером или камергером?

- Ни тем ни другим. Я был карликом маркграфини.

- Зачем ей карлик?

- При дворе маркграфини всегда бывает карлик. Чтобы забавлять маркграфиню.

- Чем это он ее забавляет?

Сью пожал плечами:

- Вероятно, своим малым ростом.

– Разве это смешно?

– Это традиция, мисс Шоу. С тех пор как в Анкоридже случилась чума, традиции очень нам помогают. Вот ваши комнаты.

Он распахнул две двери, немного дальше по коридору. В каждой из комнат были широкие окна, большая кровать, толстые отопительные трубы. Каждая была размером приблизительно с гондолу «Дженни Ганивер».

– Они замечательные, – сказал Том с благодарностью. – Но нам нужна только одна комната.

– Об этом не может быть и речи, – сказал Сью. Он вошел в первую из комнат и принялся подкручивать вентиль на батарее. – Чтобы в Зимнем дворце молодые люди противоположного пола, не связанные браком, проживали в одной комнате – это просто неслыханно! Мало ли что может из этого выйти. Пойдут всякие нежности... Нет-нет, ни в коем случае!

В трубе вдруг что-то загремело. Сью на мгновение отвлекся, потом снова обернулся и хитро подмигнул Эстер и Тому:

– Впрочем, между этими комнатами имеется дверь, и, если кому-нибудь вздумается проскользнуть в нее, никто и знать не будет...

Но кое-кто знал практически обо всем, что происходило в Анкоридже. Пристально глядя на экраны, слабо светившиеся в синей полутьме, наблюдатели видели нечеткие, искаженные панорамной камерой изображения Тома и Эстер, входящих вслед за карликом во вторую комнату.

– Ну и уродина!

– Вид у нее не очень-то радостный.

– А кто бы стал радоваться с таким лицом?

- Не в том дело. Она ревнует. Вы что, не видели, как Фрейя смотрела на ее дружка?

- Надоели они мне. Давайте переключаться.

Картинка на экране изменилась. Мелькали разные планы: Аакиуки у себя в гостиной, Скабиоз в своем одиноком доме, терпеливая, упорная работа в машинном отделении и в сельскохозяйственном квартале...

- Наверное, нужно бы послать весточку Аакиукам? - спросил Том, когда Сью отрегулировал отопление во второй комнате и собрался уходить. - Они, может быть, ждут нас.

- Их уже предупредили, сэр, - сказал Сью. - Теперь вы гости дома Расмуссен.

- Мистер Скабиоз будет не очень доволен, - заметила Эстер. - По-моему, мы ему совсем не понравились.

- Мистер Скабиоз по натуре пессимист, - сказал Сью. - Это не его вина. Он вдовец, а его единственный сын Аксель погиб во время чумы. Он тяжело перенес эту потерю. Но не в его власти помешать маркиграфине, коли уж она решила предложить вам свое гостеприимство. Вам очень рады в Зимнем дворце. Если что-нибудь понадобится, позвоните и вызовите слугу... Ладно, ладно - меня. Обед в семь, но, если вам будет угодно спуститься немного раньше, маркиграфиня желала бы показать вам свою Вундеркамеру.

«Кого-кого?» - подумала Эстер, но ей не хотелось снова выглядеть глупой и невежественной в присутствии Тома, так что она промолчала. Когда Сью ушел, они открыли соединительную дверь, плюхнулись на кровать Тома и немножко попрыгали, испытывая пружины.

- Америка! - воскликнул Том. - Нет, ты только подумай! Она очень храбрая, эта Фрейя Расмуссен. Практически ни один город не рискует заходить на запад от Гренландии, и уж точно ни один не пытался достичь Мертвого континента.

– Не пытались, потому что он и есть мертвый, – кисло отозвалась Эстер. – Я бы, например, не стала рисковать целым городом, начитавшись книжек Пеннирояла.

– Профессор Пеннироял знает, о чем говорит, – сказал Том, храня верность ученому. – Да и не он один сообщает о зеленых участках в Америке.

– А, ты об этих пилотских легендах?

– Ну да. И есть еще карта Снори Ульвессона.

– Та, про которую ты мне рассказывал? Которая так удачно исчезла, пока никто не успел ее проверить?

– Ты хочешь сказать, что профессор лжет? – спросил Том.

Эстер покачала головой. Она и сама не знала, что хотела сказать; просто ей было трудно принять на веру рассказы Пеннирояла про девственные леса и благородных дикарей. Но кто она такая, чтобы сомневаться в его словах? Пеннироял – знаменитый путешественник, пишет книги, а Эстер в жизни своей не прочитала ни одной книжки. Том и Фрейя ему верят, а они гораздо лучше ее разбираются в таких вещах. И все-таки никак не получалось совместить образ пугливого человечка, который трясся и скулил всякий раз, как мимо «Дженни Ганивер» пролетала ракета, и отважного путешественника, сражавшегося с медведями и дружившего со свирепыми американскими туземцами.

– Завтра пойду навещу Аакиука, – сказала Эстер. – Посмотрю, как продвигается ремонт «Дженни».

Том кивнул, но при этом старался не смотреть на нее.

– Мне здесь нравится, – сказал он. – Я хочу сказать, нравится город. Здесь грустно, но очень красиво. Напоминает более привлекательные кварталы Лондона. И к тому же в отличие от Лондона он не ест другие города.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Не только разновидность турбулентности, наблюдающаяся в отсутствие облачности, но также название альбома Ian Gillan Band («Clean Air Turbulence», 1977).

2

Динка – народ, населяющий Южный Судан (исторический регион Бахр-эль Газаль в бассейне Нила, Кордофан и Верхний Нил). Численность в конце XX века составляла 3 млн человек.

3

«America the Beautiful» (англ.) – одна из самых популярных в Америке патриотических песен. К музыке церковного гимна, в 1880-х годах сочиненной композитором-любителем Сэмюэлем Уордом (1847–1903), в начале XX века добавили светские стихи Кэтрин Ли Бейтс (1859–1929).

4

Винляндия – название территории Северной Америки, данное исландским викингом Лейфом Эрикссоном примерно в 986 году. В настоящее время эта территория относится к канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор.

5

Аллан Квотермейн – литературный персонаж, охотник и путешественник, главный герой цикла приключенческих романов Райдера Хаггарда.

Купить: https://tellnovel.com/riv_filip/zoloto-hischnikov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)